

84 (2007-06)
К 78

АЛЕКСАНДР КРАВЦОВ

**АВТИСТОВСКАЯ
МЕТЕЛЬ**

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.	
---------------------	--

Александр Кравцов

Августовская
метель

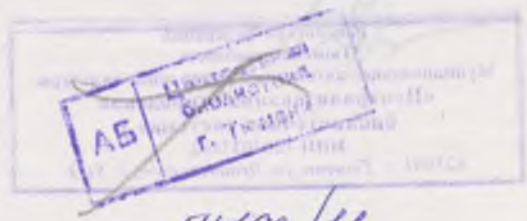

ЛКЦ 84(2Рос-Рус)6
К78

АЛЕКСАНДР КРАВЦОВ

АВГУСТОВСКАЯ МЕТЕЛЬ

РАССКАЗЫ

а14

Екатеринбург

Средне-Уральское книжное издательство

1998

ББК 84Р7
К78

Иллюстрации С.ПАУСА

Автор
выражает сердечную благодарность
предприятию "Сургутгазпром"
за помощь в издании
этой книги.

Российская Федерация
Тюменская область
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037883
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3

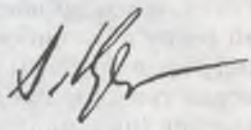
К 4702010201—002
М 158 (03)—98 Без объявл.—98

ISBN 5-7529-0701

© Кравцов А.Б., 1998
© Паус С.И., ил., 1998

ТРУДНЫЙ

●
Свою первую книжку я посвящаю друзьям — топографам и геодезистам, рыбакам и охотникам. Тем, кто познал прелесть ночевки у костра, прелесть свежесваренной наваристой ухи из добытой тобой самой рыбы или просто печеной картошки. Тем, кто способен радоваться неприметному лесному или полевому цветку, красивому закату. Тем, кто не забыл слова своих любимых песен.

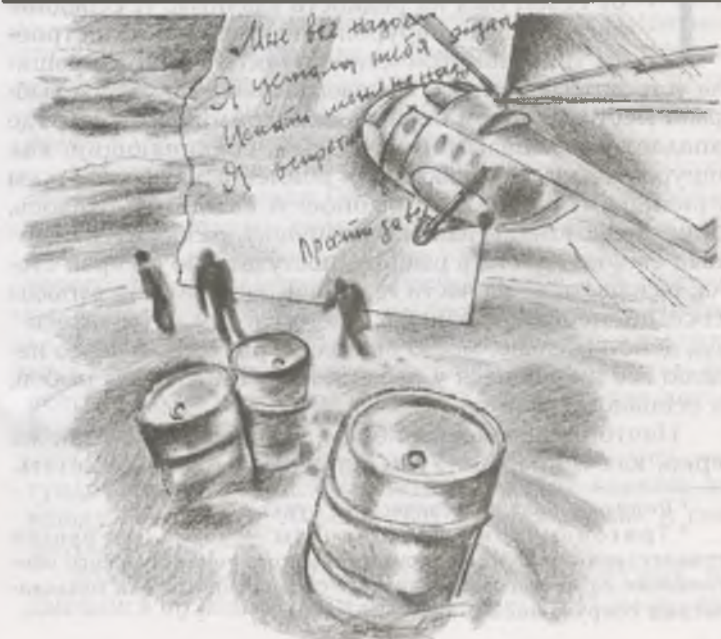

●

Рассказы Александра Кравцова возрождают в моей памяти тургеневские "Записки охотника". Было так: бродит по русской земле чувствующий человек, смотрит, воспринимает душой все, а потом, естественно, пишет. И в конце второго тысячелетия открылся мне еще один такой человек, Саша Кравцов, топограф. Топают он, топают по земле и пишет полегоньку (графо, с латинского, кстати, пишу). Читаю его рассказы и стихи, и вспоминается Олег Куваев, принесший весну в российскую прозу, вспоминаются топограф, с которым учились мы в одном, Саратовском геологоразведочном техникуме, Григорий Федосеев (пирамида из камней ныне на его могилке), автор "Мертвой дороги" Александр Побожий и другие еще путешественники. Да-да, люди, шествующие в глубь души и пространств. Слава Богу, что есть на земле такое племя.

Александр Мищенко
*лауреат литературной премии
имени Ивана Ермакова*

ТРУДОВЫЙ МАШИНЫ

Августовская метель

Тот сезон был на редкость удачным. К середине августа были забурены все репера¹ и построены тригонометрические пункты². Бригада решила устроить себе отдых. Посовещавшись, для лагеря выбрали место на левом берегу реки Пойлово-яха, там, где впадает в нее безымянный ручей, соединяющий, как шнурок четки, ряд небольших пойменных озер. По всем признакам место было рыбное. А каждому хотелось, приехав в Тюмень, зайти в пивнушку, развернуть газетный сверток, достать рыбину, постучать ею об край стола, разорвать ее на части и, уловив завистливые взгляды соседей, небрежно кинуть: "Чего уж там, угощайтесь!" Да, действительно, место оказалось рыбным, и через неделю все имеющиеся у нас емкости были заняты рыбой, в основном сырком.

Ничто не предвещало беды. Солнце светило так же ярко, как и прежде. Утки все учили молодняк летать,

¹ Репер — знак геодезического пункта.

² Тригонометрические пункты — то же, что пункты триангуляций — пункты государственного геодезического обоснования на местности обозначаются деревянным или металлическим сооружением в виде пирамиды.

кружили с утра и до ночи над озерами. И только тундра с каждым днем преображалась, наряжаясь в цвета осени. Растущий по логам и западинам ивняк начал желтеть и терять лист. Карликовые березки охватил багрянец. Утренние туманы стали прохладнее и продолжительнее.

Сообщив на сеансе утренней связи, что сегодня отправляемся на базу партии, в Антипаюту, мы упаковались и после обеда тронулись в путь. День был как день. Часам к десяти развеялся туман. В чистом высоком небе медленно плыли белые редкие облака. И только было чуточку прохладнее, чем накануне.

Но уже к вечеру небо затянуло серой пеленой.

Усиливающийся северный ветер срывал с мрачных низколетающих туч гроздь дождя и швырял на землю.

Доставалось и нам, так как мы, по привычке, восседали на кабине нашей "газушки" с ружьями в руках, надеясь настрелять к ужину куропаток.

Существовала и другая причина такого способа передвижения: салон ГАЗ - 47 под самую крышу был загружен лагерным снаряжением и бригадным оборудованием. В кабине находились наш командир, техник-топограф Борис Петрович Красносельцев и, естественно, водитель Коля Жданов, или просто Малыш. Но когда пошел дождь со снежной крупой, мы тоже умудрились втиснуться в кабину. Спать нам пришлось там же, потому что в дождь разбивать лагерь пустая затея. Вымокнешь так, что и к утру не согреешься.

Очнувшись от тяжелой дремы, мы поразились — в тундру пришла зима. Скованный ледяной коркой, повсюду белел снег. А северный ветер все гнал и гнал хмурые тучи.

Взламывая гусеницами лед на мелких лужах, мы двигались по водоразделу рек Адерпаета и Пойлово-яха.

Ехали молча. Грохот и лязг машины мешали говорить, да и наше невеселое настроение, навеянное мерзкой погодой, не располагало к разговору. К вечеру мы спустились на лайду¹ и остановились на ночевку, не рискнув ехать в темноте, так как на лайде множество мелких и крупных озер, ручьев и проточек, а под оттаявшей моховой подушкой таятся то ли ледовые трещины, то ли водотоки.

Утро радости не принесло. Снежные заряды шли один за другим, скрывая из виду булгунняхы², которые возвышались над тундрой, как курганы в степи. А через полчаса мы попали в ловушку. Никогда бы в жизни не поверил, что эта трехметровая протока так глубока. Когда наша "газушка" на полном ходу проломил тонкий, сантиметра два-три, лед и стала на "плав", у нас екнуло сердце. Помолотив минут двадцать воду гусьянками и потолкав носом смерзшийся торфяной берег, наша "старушка" с тихим бульканьем и шипением опустилась на дно, почти перегородив эту проклятую протоку. Ах, если бы заранее промеряли глубину! Ведь у нас было чем мерить, с собой мы возили пару старых хореев, используя их при радиосвязи в качестве мачты.

До нашей цели — рыбацкой избы при устье Адерпаеты — оставалось километров двадцать пять. Борис Петрович сориентировался по карте и буссоли, наметил маршрут, и мы двинулись в путь. С собой у каждого было по паре банок сгущенного молока, по банке тушенки и пачке галет. Кроме этого у Красносельцева была полевая сумка с топокартами, ракетница, буссоль и армейский кавалерийский карабин, а у нас троих ружья.

¹ Лайда — прибрежная низменная равнина.

² Булгуннях — куполообразное возвышение с ледяным ядром.

Северные километры не меряны и сравнения с другими не имеют. Мы шли и шли, а булгунняхы по-прежнему казались рядом и были такими же далекими, как прежде. И все бы, может быть, закончилось хорошо, но уже в сумерках Федя попал в ледовую трещину и подвернул ногу. А "помощника" ему соорудить не из чего — тундра есть тундра. Движение наше, и так не слишком быстрое, резко замедлилось. Борис Петрович решил взять вправо, к коренному берегу. Путь наш будет дольше, но зато по твердому грунту легче идти.

Когда добрались до первого лога, заросшего ивняком, Федя заявил, что он дальше не пойдет, несмотря ни на какие наши уговоры. "Мы все тут замерзнем, — говорил он, — если останемся на ночевку. Вы, здоровые, дойдете. А я попробую продержаться. Может, удастся костер запалить, вы мне только помогите ивняка наломать". Так мы и сделали. Красносельцев помнил на карте этот лог. Малыш отдал Феде свою меховую куртку, я армейскую фляжку со спиртом, и пошли.

К рыбацкой избе вышел один Красносельцев, и то уже поздним утром. Где нас кружила августовская метель, я не ведаю. Меня нашли в километре от рыболовецкого стана. Отделался я воспалением легких да отмороженными пальцами левой руки. Федю обнаружили только к вечеру, когда прилетел вертолет и Борис Петрович немного очухался. Врач сказал, что жизнь Феде спас спирт. И лишился он только больших пальцев на ногах. Костер он не палил, а умудрился накидать на себя ивовые ветки, на них намело сугроб, так он благополучно и продержался все это время. И только Малыша, нашего двухметрового добряка Колю Жданова, привезли в Тюмень в цинковом гробу.

Вечная ему память.

Беглец

Заблудившиеся должны помнить, что их ищут наземным и воздушным путем и все их действия должны способствовать скорейшему их отысканию.

(Из "Правил по технике безопасности на топографо-геодезических работах")

1

Внутреннюю связь Серега Голубев, радист топографо-геодезической партии, принял радиограмму: "Красносельцеву. Двадцать седьмого августа водитель Казанкин самовольно покинул расположение бригады. На фактории Бамбей его нет. Вешняков".

— Петрович, — кликнул начальника Голубев. — У Вешнякова шофер потерялся.

— Чего, чего? — удивленно переспросил Красносельцев — Как потерялся? Связь с ним есть?

— Есть, но очень плохая. Шум какой-то в эфире.

Красносельцев подошел к отгороженной дощатой перегородкой радиостанции, стоявшей в дальнем от двери углу вагончика-балка, взял у радиста наушники и трубку и, нажав танкету, закричал в микрофон:

— Сорок шестой, сорок шестой! Я — пятидесятый! Я — пятидесятый! Как слышишь меня? Прием.

— Пятидесятый, я — сорок шестой! Доброе утро, Борис Петрович! Слышу вас, слышу. Прием.

— Здравствуй, Виктор! Очень плохо тебя слышу. Что у вас там случилось? Почему шофер ушел и куда? Прием.

Сквозь шум и свист эфира изредка прорывался сла-

бый голос Вешнякова, но что он пытается объяснить, понять было невозможно.

— Сорок шестой! Я — пятидесятый. Ничего не беру. — Красносельцев, старательно выговаривая слова, почти кричал в микрофон. — Ты организовал поиски? Ответ одним словом: "да" или "нет". Прием.

Но среди треска можно было различить только позывные.

— Всем сороковым! Если кто-то хорошо слышит сорок шестого — продублируйте. Прием.

Но другие бригады Вешнякова не слышали совсем. Слишком далеко на севере находился тот, да и антенны бригадных радиостанций были направлены на базу.

— Сорок шестой! Я — пятидесятый! Если слышишь меня, дай настройку. Дай настройку. Прием.

Красносельцев с Голубевым затаили дыхание, вслушиваясь в эфир. Через несколько секунд из динамика послышался медленно набирающий силу писк.

— Сорок шестой, я — пятидесятый. Выходи на связь в десять часов местного времени. Если понял меня, то дай настройку. Прием.

Вешняков выдал "квитанцию": его радиостанция непрерывным писком подтверждала свое присутствие на связи.

Этим приемом полевики пользуются, когда радиоволны не проходят, а на базу или, наоборот, в бригаду нужно сообщить что-то срочное. На базе партии всегда стоит мощная радиостанция, которую слышат все и всегда. А вот бригадные радиоустановки частенько бывает не слышно, то из-за малой высоты или неправильно направленной антенны, то по другим причинам. Вот поэтому, в экстренных случаях, приходится прибегать к такому способу связи — получая подтверждение не голосом, а звуком.

Начальник партии постоянно следит за передвижением бригад по участку работ. Знает состояние их дел и запросы: кому, когда и сколько потребуется горючего и продуктов. Вот поэтому он ведет разговор по такой схеме: называет позывной бригады и затем репера и пункты, на одном из которых предположительно может находиться бригада. Получив подтверждение, начинает перечислять то, что, по его мнению, необходимо сейчас полевикам. Вот так пусть медленно, но достигается результат.

— Сороковые, я — пятидесятый. Вертолет сегодня не ждите. Полечу на поиски. У меня все. Прием. — Красносельцев снял наушники и протянул их вместе с трубкой радисту. — Я побежал в порт, — сказал он Голубеву. — Ты отработай с бригадами, собери заявки и предупреди, что, пока не найдем Казанкина, на вертолет пусть не рассчитывают. Но чтобы они исполнения и авансовые отчеты держали наготове.

Прошло уже восемь часов, как Красносельцев узнал, что у Вешнякова потерялся водитель. Дополнительный сеанс связи новостей не принес. Эфир был полон шороха, треска и воя, и через этот хаос Вешняков пробиться не смог. За последние часы Красносельцеву пришлось много крови испортить и себе, и начальнику ПАНХа, и начальнику аэропорта. Вертолет Ми-8 с двумя дополнительными баками для горючего в аэропорту Студеный был только один, да и тот в этот день был занаряжен оленеводческому совхозу. Приближался новый учебный год, и почти все вертолеты были заняты тем, что вывозили из тундры в школу-интернат школьников — детей оленеводов и рыбаков, попутно доставляя продукты. В ПАНХе в это время горячая пора: заказчики ругаются, нервничают, доказывают необходимость полетов, но начальник ПАНХа неумолим: сначала дети, а потом все

остальное. Пока Красносельцев битый час доказывал, что ему срочно нужен вертолет именно с двумя баками, так как в районе Бамбея два дня назад потерялся человек, "вертушка" ушла на дальнее стойбище. Не уговорив начальника ПАНХа, Красносельцев отправился к начальнику аэропорта и только у него получил добро на полет. Вот поэтому на поиски ему удалось вылететь только во второй половине дня.

Уже второй час он болтался в воздухе и думал о Казанкине. "Вот чертов хлопец, — ругался он про себя. — Куда же он мог деться? Кругом обширная пойма Бамбея. Факторию видно километров за двадцать. Так что блудить негде. Ну, куда он мог уйти? На охоту?.. А потом полез в озеро доставать утку или гуся, а его судорога схватила?.. А может, ночь прихватила вдалеке от лагеря? Он лег отдохнуть, уснул, а ночью мороз, и... Ведь скоро уже белые мухи полетят, вон какие тучи мрачные ходят".

Красносельцев глянул в иллюминатор — внизу, в разрывах между облаками, мелькала земля, а по стеклу струились ручейки воды. Дождь. Да, не сладко сейчас одному в тундре. Очень даже тоскливо. И этот зануда дождь! Ведь до косточки промочит. А может, он подвернул или сломал ногу? Шел по хасырею и попал в ледовую трещину...

Размышления Красносельцева прервал зуммер. Его вызывали в кабину к пилотам.

— Подлетаем к фактории Бамбей, — прокричал ему в ухо командир. — Где будем садиться?

Борис Петрович взял у второго пилота карту и ткнул в заранее отмеченную точку:

— Сюда, к бригаде. Сначала все узнаем.

Командир в знак согласия кивнул головой. Красносельцев остался стоять в дверях, за спиной у бортмеха-

ника: из пилотской кабины обзор значительно лучше, чем из салона, там приходится перемещаться от борта к борту.

Километрах в пяти к северу от домиков фактории, на берегу небольшой речушки, притока Бамбея, стояла палатка. На фоне осенней тундры, раскрашенной дождем в темные тона, она выделялась ярким белым пятном. Темно-зеленая палаточная ткань за короткое полярное лето успела выгореть добела. Подлетев ближе, заметили гусеничный транспортер ГАЗ-71, который стоял у самого берега речки.

На звук вертолета из палатки высыпали люди и задрали вверх головы. Командир вопрошающе посмотрел на Красносельцева. Тот утвердительно кивнул. Вертолет совершил облет, натуженно загудел и плавно пошел на посадку. От палатки навстречу ему побежал человек, остановился и призывно замахал руками.

2

— В тот день мы собрались переезжать. С утра погрузили все снаряжение в машину. Оставили только палатку да печку, а то за ночь не успели телогрейки высохнуть. Сели обедать. А когда поели и пошли одеваться, из кармана энцефалитки Казанкина выпали часы. Помнишь, Петрович, я тебе рассказывал, что месяц назад у нас куда-то часы задевались? У нас тогда на контроле был заместитель главного инженера экспедиции...

Вешняков рассказывал начальнику партии о том, что произошло в бригаде. Они сидели в палатке, на столе уже стояла миска с малосольным щекуром, хлеб и сдобные сухари, сливочное масло и открытая пачка сахара-рафинада. На печке нервно позванивал крышкой за-

-54192-111

кипевший чайник. Быстро разлив по кружкам чай, Вешняков продолжил свой рассказ.

— Вот эти-то часы и выпали из кармана Казанкина. Ну, ты представляешь реакцию ребят. Но бить его я им не дал, — Вешняков замахал руками, опережая вопрос Бориса Петровича. — Потеря обнаружилась! И у кого? У хозяина часов! У ребят даже слов не нашлось! Посмотрели мы на него, потом друг на друга, крикнули и смущенно отвели глаза. Ведь у всех были дурные мысли, невысказанные подозрения. Мы же в первый раз до унижительной процедуры — проверки рюкзаков — не дошли, посчитали, что Петя где-то часы обронил.

С часами этими вот что получилось. У Казанкина было двое часов: старые — "Слава" и новые, он в Студенком "Электронику" купил. А вот у Пети, — Вешняков указал рукой на одного из рабочих, они сидели тут же в палатке и слушали их разговор, — часы сломались. Когда подошло его дежурство по кухне, он попросил у Казанкина на время, до конца сезона, старые часы. Ну, тот помялся, помялся, но часы все же дал. Прошло недели три, и часы исчезли. А в тот день мы собрались переехать на новое место. Там, где стояла палатка, мы осмотрели каждый кустик, каждую ямку. Обшарили весь берег озерца, на котором умывались, все тропинки, которые мы успели там натоптать. Кстати, Казанкин тоже активно искал потерянные часы. Тогда мы посчитали, что Петя их выронил, когда проверял сети, и решили, что раз он не сберег чужую, доверенную ему вещь, то должен купить новые часы или рассчитаться деньгами. Это уж как они меж собой договорятся. Так? — спросил Вешняков у рабочих.

Те дружно загудели, подтверждая правдивость рассказа.

— А потом вот что случилось. — Вешняков помолчал. — Приехали мы сюда, на это место, еще засветло.

Погодка установилась чудесная. Ветер стих. Немного потеплело. Тучи разбежались. Зато опять появились комары. Прикинул я по времени — вроде бы успеваю, и решил сделать ход хотя бы в одну сторону. Тут секция коротенькая — около четырех километров. Ну, и пошли мы с нивелировкой, а Казанкин, как обычно, едет сзади. На пути нам встретилась маленькая речушка, приток вот этой, на которой мы стоим. Мы подождали машину, чтобы снять с нее резиновую лодку и переправиться на другую сторону. Выбрали место, где Казанкин должен переехать речку. И он переехал.

Потом мы продолжили работу. Казанкину я наказал, чтобы он подождал заднего реечника и, когда я отнаблюдаю, перевез его. Я уже перешел на новое место, установил нивелир, взял отсчет, а реечника нет и нет. Вдруг слышу, кричат — зовут к себе.

Прихожу, а там "газушка" наполовину в воде, да и к тому же с одной стороны "разулась". Оказывается, Казанкин, вместо того чтобы вернуться за реечником своим следом, поехал другим путем и угодил в вязкую глину. Начал дергаться, и в результате спала гусеница. Тут я вспылил. Вспомнил и часы, и то, что вчера он таким же манером засадил машину в плывуи, и его непослушание. Ну, и врезал ему пару раз. Потом отправил его в палатку и сказал, что, когда вернусь, решу, как с ним быть дальше.

Пока мы вытянули с помощью "мертвяка" нашу машину, да еще и гусеницу, пока "обулись", прошло часов шесть. Вернулись в лагерь уже затемно. Казанкина в палатке не было. Я подумал, что он ушел на охоту. Но когда обнаружили, что ружье на месте, то решили, что он собирает грибы, а может быть, ушел блеснить. Кстати, грибов нынче много. Есть и обабки, и сыроежки, и мы ими каждый день балуемся.

Часов в десять мы дали пару залпов из ракетницы и ружья. На фактории в это время еще горел свет. Через полчаса повторили залп, а через некоторое время — еще несколько раз.

Примерно в час ночи мы легли спать. Казанкин ночевать так и не пришел. Но я не слишком волновался. Бамбей рядом. Так что заблудиться, если даже захочешь, очень трудно. Мы посчитали, что он напился и заночевал на фактории.

На другой день с утра был туман, и я только к вечеру смог закончить начатую секцию нивелировки. Вернувшись в палатку, попили чаю и поехали на факторию.

Фактория Бамбей — Красносельцев там бывал не раз — представляла собой небольшой поселок, состоящий из деревянных, большей частью сборно-щитовых домов. В одном из них жил факторщик с женой. В торце этого дома располагался магазин. В соседнем в одной половине жили рабочие — ненцы, а в другой половине была пекарня. Еще два дома использовались как склады. В большом бараке размещалась начальная школа-интернат. Рядом в маленькой избушке жили учитель и моторист дизель-электростанции. Развалины следующего дома остались от жилища рыбаков. Только и сохранилось, что стены да остатки тесовой крыши, а внутри стояли два огромных, емкостью килограммов на пятьсот, деревянных чана. Рыболовецкая бригада жила неподалеку от этого места в палатках. Почему они не восстанавливали свою избу, никто и не задумывался. Может быть, потому, что они теперь не солили рыбу, а копили ее в садках и еще живой, на вертолетах, отправляли на рыбозавод. Надо отметить и склад-холодильник, который был вырыт в вечной мерзлоте, в крутом, коренном берегу реки Бамбей.

— Магазин был на замке, — продолжал Вешняков.

— Я пошел к факторщику домой. Тот рассказал, что вчера под вечер, действительно, на фактории был наш шофер. Купил пару бутылок водки да килограмма полтора баранок. А куда потом делся, он не знает. Посоветовал поискать у рыбаков или на электростанции. Мы прошлись по домам, поспрашивали, а затем уехали к себе. Ночью снова пускали ракеты и палили из ружья.

— Сегодня с утра ребята опять ходили его искать. Ну, где здесь теряться? — в сердцах воскликнул Вешняков. — Кругом плоскотня одна. Хотел было уже на буровую ехать, да решил все-таки вас, Борис Петрович, дожидаться.

3

"В гробу я видел эту работу и эту бригаду! Да еще по морде бить! Ну, погоди, Витя! Я тебе устрою веселую жизнь! Ты меня еще не знаешь! Но ничего, ты еще долго будешь вспоминать Казанкина. Меня?! И по морде?! — Казанкин шагал к палатке и, распаяя себя, громко возмущался: — Все ему Казанкин не такой! И это не так, и то не эдак. А я вам не мальчик. Я сам знаю, что делать надо. Я же почти четыре курса автотехникума закончил. А этот-то, Петя... Тоже мне, шофер нашелся. "Катки смажь... Масло смени..." Сам-то с рейкой по тундре бегаёт, а еще указывает. То кашу им вари, то чай готовь. А я что, поваром нанимался? Эх! Надо было им в чай мочи добавить, вот была бы потеха!.."

Казанкин представил себе, как ребята пьют чай, заваренный столь оригинальным способом, и злорадно рассмеялся. Воображение его рисовало всевозможные способы мщенья, он не заметил, как пришел в лагерь. Но как им отомстить? Как? А вот он улетит в Студеный.

Пусть они без него попробуют поработать. Вот как посидят недели две в ожидании нового шофера, так узнают!..

Он оделся потеплее. Сунул в рюкзак свитер и ватные брюки и направился в сторону Бамбея.

4

Весь следующий день Красносельцев просидел в аэропорту и, как оказалось, напрасно. Сначала не было погоды в районе Бамбея, затем на Студеный с моря притащило густой туман. К обеду ветер, разогнав туман, перешел в штормовой.

Красносельцев сидел в ПАНХе и с тоской смотрел, как огромные, буровато-серые волны набегают на песчаную косу, где располагалась взлетно-посадочная полоса. Сухогруз, стоящий на рейде Студеного, временами скрывался за сеткой дождя. "Невесело сейчас морячкам, болтает их, как дерьмо в проруби. А каково сейчас Казанкину? Наверняка воспаление легких схватит".

— Николаич, — обратился он к начальнику ПАНХа, — позвони на метео, узнай прогноз.

Тот нажал кнопку селектора и повторил вопрос Красносельцева. Динамик хриплым, искаженным до неузнаваемости голосом ответил, что весь Север по метеоусловиям закрыт до семнадцати московского.

— Слышал? Вот так. Иди, Боря, домой: поспи. Смотри, что на улице творится. А если дадут погоду, я тебе позвоню.

— Не, Николаич, я лучше здесь подожду. — Красносельцев достал из старого, потрепанного портфеля "Роман-газету" и углубился в чтение.

Два следующих дня ему пришлось летать на Ан-2. К вечеру он возвращался домой и, не раздеваясь, падал на кровать. Час-полтора тревожного, тяжелого сна приво-

дили его в себя. Он ужинал и садился за приемку полевых материалов. Прежде чем отправить их в Тюмень, в экспедицию, просматривал журналы наблюдений пунктов триангуляции и нивелировки. Отмечал на картосхеме выполненный бригадами объем работы, определял качество сделанного — окончание полевого сезона на пошу. Работы осталось недельки на две, затем подготовить базу партии к зимовке, а потом домой, к семьям, до будущей весны.

5

“Я решил идти в поселок геологов, что строится километрах в пятнадцати южнее фактории Бамбей. Мы мимо него недавно проезжали, когда делали шивелирный ход. Сначала сходил на факторию и узнал, что вертолет они в ближайшие дни не ожидают. Дойдя до реки Надорма-яха, я не смог переправиться через нее и пошел вверх по течению, чтобы найти место, где можно перебраться на другую сторону. Река сильно петляла, и я влез на бугор, чтобы посмотреть, как можно сократить путь. Отсюда я увидел палатку, которая белела не очень далеко.

Но к ней я подошел уже в глубоких сумерках. Да к тому же она оказалась на другом берегу реки. Я кричал. Из палатки вышли ребята, и один из них приплыл за мной на красной резиновой лодке.

Ребята, а это оказались мерзлотники из Студеного, покормили меня, выделили мне спальный мешок и место на нарах. Я очень устал и поэтому сразу лег спать.

Утром они меня начали расспрашивать: кто я и откуда, что за синяк у меня под глазом. Я им сказал, что мы подрались просто так. Рассказал про то, как машина

в ручье застряла, но про часы я им ничего не сказал. Просто не хотел возбуждать у них недоверия к себе. Они, конечно, не слишком поверили мне. Гришка даже еще раз меня расспрашивал, когда я с ним ходил два раза на рыбалку проверять сети. Они у них в заводи стояли. Домой меня они не отправляли, и я остался у них еще на одну ночь.

На другой день пришли парни из соседней бригады. Вечером играли в карты. Тридцатого августа целый день лежали в спальниках. Шел обложной дождь. Тридцать первого августа пошли в гости к соседям и целый день проиграли у них в карты. Гришка со своими парнями вернулся домой, а я остался.

Первого сентября над палаткой два раза пролетал самолет. Ребята выскочили из палатки, я тоже. Они думали, что это их самолет, но тот сделал два круга и улетел прочь, не сбросив никакого вымпела. Под вечер самолет вновь кружил неподалеку. Мы махали ему, кричали, но он нас не заметил и улетел на юг. Парни сказали мне, чтобы я завтра возвращался в свою бригаду".

(Из объяснительной записки Казанкина.)

6

Красносельцев, прислонившись плечом к борту вертолета, дремал. За последние дни у него на висках добавилось седых волос. Лицо осунулось, посерело. Под глазами набухли мешки. Неожиданно свалившиеся на него хлопоты и заботы как будто придавили его, пригнули к земле, сделали ниже ростом.

Даже во сне он просчитывал возможные варианты поведения Казанкина: куда тот мог пойти и на что решиться. Он почти не знал его. Казанкин поступил к ним весной этого года. Сначала поработал в гараже экспеди-

ции, помогая слесарям готовить машины к полевому сезону. На базе партии он тоже не задержался. Его вместе с бригадой отправили к машине, которая зимовала на одной из факторий. Так что не знал его Борис Петрович ни как работника, ни как человека.

Время от времени он посматривал в иллюминатор, определяясь по контуру береговой линии Обской губы, озерам и рекам, где они сейчас пролетают, и снова закрывал глаза. Равномерный гул турбин двигателя и характерное хлопанье лопастей несущего винта убаюкали его. Резкий звонок позвал его в кабину, оказалось, что они подлетели к району поисков. Красносельцев рукой показал командиру, что двигаться нужно зигзагом.

Переговорив утром с Вешняковым, он решил продолжить поиски западнее Бамбея, подальше от фактории. Севернее, в районе буровой, Вешняков еще накануне обшарил все лога и озера. Да и буровики в своих краях чужих не видали.

Тундра, затейливо изрезанная ручейками и речушками, усыпанная оспинами мелких озерков, молчаливо проплывала внизу. И Красносельцев, и Вешняков (его тоже взяли на борт), и вертолетчики пытливо ощупывали взглядами каждое подозрительное пятно на тундре, каждый бугорок, каждую западинку, каждую кочку. Вдруг второй пилот что-то сказал в микрофон, и экипаж, как по команде, повернул головы направо.

— Что такое? — стараясь перекричать шум двигателя, спросил у бортмеханика Красносельцев и подставил ухо.

— Чум! — прокричал тот в ответ. — Вон чумы стоят, — он указал рукой, — смотри!

Борис Петрович внимательно посмотрел в указанном направлении и, увидев на берегу озера две серые пирамидки, радостно закивал головой.

Когда вертолет совершил "круг почета" и начал снижаться к чумам, внизу забегали фигурки в малицах, что-то перетаскивая в жилище.

Чуть коснувшись колесами кочек, вертолет завис над землей. Красносельцев с Вешняковым выпрыгнули из него вслед за бортмехаником и побежали к чумам. Навстречу им вышли два ненца. Вид у них был очень испуганный. Еще бы, неожиданно-негаданно прилетели какие-то люди. А с какой целью?

Сначала Красносельцев, а затем Вешняков, потом вдвоем, перебивая друг друга, стали объяснять, что ищут молодого парня, который ушел в тундру несколько дней назад. Ненцы с трудом их поняли и сказали, что они перекочевали сюда только вчера и никакого русского парня не встречали.

Красносельцев принял решение поискать еще раз в районе старого лагеря Вешнякова. Покружив с полчаса, заметили какую-то палатку. Присели к ней. Ее обитатели сообщили, что описываемый парень жил у них несколько дней, а потом переселился в другую бригаду и сейчас должен быть там.

Но Казанкина там не оказалось. Час назад он ушел в палатку, где только что были Вешняков с Красносельцевым.

Когда вертолет вновь приземлился, парни, увидев Красносельцева, очень удивились. Еще больше они удивились, когда тот напустился на них:

— Вы зачем его прячете? Что это за шутки? Где Казанкин?!

Борис Петрович даже зашел в палатку, заглянул под нары, перешевелил спальные мешки.

— Не балуйтесь, ребята. Скажите, где он спрятался?

Парни только плечами пожали.

Красносельцев еще раз проверил палатку и пошел в вертолет.

— Горючее на исходе, — предупредил его командир.
— Куда сейчас?

— Давай домой. Завтра продолжим поиски. Никуда он не денется, найдем. Главное, что он живой.

7

“Утром второго сентября я сказал ребятам, что пойду в бригаду к другим парням, а от них своим старым следом в свой лагерь. В обед я ушел, вернее, они меня выпроводили. Дойдя до речки, я наткнулся на заросли спелой голубики. Я лег на мох и стал ее собирать. К палатке мерзлотников приближался вертолет. Дал над нею круг, опустился, но тут же вновь поднялся и полетел к другой палатке. Там он тоже недолго находился и вернулся к первой палатке. Затем улетел в сторону Студеного. Я понял, что ищут меня, и не стал заходить к парням, так как испугался. В свою бригаду я тоже не мог вернуться, потому что вплавь перебираться через Надарма-яху мне не хотелось. И я пошел в поселок геологов. Вечером начальник базы передал в Студеный, что я нахожусь у них. А на другой день прилетел начальник партии Б.П.Красносельцев и забрал меня”.

(Из объяснительной записки Казанкина.)

Вот таким было завершение одного из полевых сезонов Бориса Петровича Красносельцева.

Лодырь

Так уж получилось, что на Север мне пришлось лететь летом, в разгар полевого сезона. Нам подкинули срочный объект, и мне предстояло на нем работать. Нивелирование — работа не слишком сложная, но утомительная, недаром ее прозвали "лошадинам спортом": иди себе от пункта к пункту, от репера к реперу. Нивелир и пара реек — вот наши инструменты, но к ним еще нужны крепкие, быстрые ноги. Поэтому для такой работы набирают обычно молодых парней.

Собирать бригаду мне пришлось "с бору по сосенке": одного из рабочих и студента вывезли от наблюдателей, а второго рабочего, Славу Жирова, начальник партии принял на работу в Студеном (там у нас база). Как он в тех местах очутился, слишком долго рассказывать.

Я прилетел в поселок под вечер. Среди встречавших был незнакомый мне парень. Он стоял в сторонке и смотрел, как мы с начальником партии и шофером разгружаем самолет.

— Ты чего стоишь, — закричал Борис Петрович. — Что, особого приглашения ждешь? Это твой, — пояснил он мне.

Парень подбежал к самолету и, суетливо хватаясь то за одно, то за другое, сбил нас с ритма.

— Чего суетишься? — напустился на него Красносельцев. — Не путайся под ногами. Лезь в кузов машины и принимай вещи.

Выгрузив оборудование и продукты в склад (свежий лук, чеснок, капусту и картофель для партии), я отправился к Борису Петровичу на ужин, прихватив с собой свежих огурцов.

Два дня нам потребовалось на сборы — предстояло обходиться без машины, с помощью вертолета. На участке работы мы километров через двадцать — двадцать пять раскидали три палатки с продуктами, спальными мешками, кошмой, марлевыми пологами, "Дэтой" и кое-чем из личных вещей. В последней по ходу, основной палатке, кроме этого, были еще радиостанция "Гроза", радиоприемник, резиновая лодка, рыболовные снасти, охотничьи ружья с боеприпасами. При себе мы постоянно держали ракетницу, ружье, радиостанцию "Карат", немного продуктов, котелок, паяльную лампу с таганком, и, если предполагались переправы через речки, резиновую лодку.

Порядок нашей работы на подсобных объектах был таков: мы шли с нивелировкой от одной палатки к другой, сутки отдыхали и двигались дальше, если позволяла погода — не было ни дождя, ни сильного ветра. В основной палатке мы жили суток трое, а иногда и дольше, все зависело от вертолета — прилетит он в назначенный день или позже. Пока я обсчитывал хода нивелирования, парни облавливали окрестные озера и старицы и иногда приносили таких крупных окуней и щук, о которых на Большой земле можно только мечтать.

Первый ход я запланировал короткий — всего две секции. И тут Слава отмочил первый номер: когда до пункта оставалось два штатива, он выдернул костыль. И вся наша работа — семикилометровый нивелирный ход — пошла насмарку.

— А что тут такого? — удивился он. — Я не понимаю, зачем мы вообще ползаем по этим болотам? У тебя же, начальник, есть... ээ-э... как это называется... ээ-э... а, вспомнил, отметки. Напиши, что там нужно, вот и все дела.

Как я сдержался — не знаю. Успокоился и еще раз объяснил, что такое нивелировка, для чего она нужна, как ее надо делать. А эту секцию потом, без Славы уже, пришлось переделать.

В поле человек весь на виду, как бы глубоко ни прятал свои чувства и мысли. Там все находится в одинаковых условиях: и инженер, и рабочий, и техник. Едят из одного котла, спят в одной палатке, делают одно общее дело, а от того, как делают, зависит и заработок, и все остальное.

Жиров как-то сразу обособился. С работы придем, он тут же спать ложится или сядет в сторонке и курит, курит, от одной папиросы прикуривая другую.

Ребята, те хлопчут по хозяйству, помогают друг другу еду готовить, а Слава даже воды по собственной инициативе не принесет. А когда пришла его очередь дежурить, дежурили они по три дня, ребята помогали ему и советом, и делом. Потом, видя его отношение к бригадным заботам, перестали поддерживать его.

— Слава, поставь чай! Слава, свари суп! Слава, принеси воды! Слава, Слава, Слава...

— Все приходилось заставлять его делать из-под палки. Принесет воды, но чай не поставит, пока не скажут. Пришлось даже показывать ему, как чистить картошку (глянуть на ту, что он очистил, так можно подумать, будто действовали топором). Мне кажется, что он только прикидывался неумехой. Как можно прожить столько лет и ничему не научиться?

На работе то же самое. То без команды уйдет со своего места, то скроется в каком-нибудь овражке и стоит там до тех пор, пока я не прибегу и не выгоню его оттуда.

Проработали мы так почти месяц, и тут у студента случился день рождения. Что ж, двадцать лет раз в жиз-

ни бывает. Как не отметить такое событие? Мы как раз пришли в основную палатку. Я решил и себе отдых дать. Отложил вычисления нивелирных ходов и включился в подготовку к праздничному ужину. Сделал малосол из муксуна и пыжьяна в кляре. И сели мы пировать.

Дошли уже до песен. Попели, потом опять разговоры пошли о работе. И тут выступил Слава:

— Вот ты, начальник, говоришь, что заработок маленький будет — всего триста пятьдесят рублей. Да в гробу я видел тогда эту работу! Сколько тундру месим, и все за гроши! А я токарь шестого разряда! Я — специалист, а ты меня заставляешь жарить-варить.

— Ну, предположим, что токарем и специалистом ты, возможно, был раньше. Сейчас ты речник, рабочий второго разряда, и будь добр, если взялся за это дело, то выполняй его честно и добросовестно...

В общем, поговорили мы в этот день крупно. Ребята высказали ему все, что о нем думают. Но и этот разговор не пошел ему на пользу. Работать он стал еще хуже, и с таким видом, будто оказывает нам неоценимую услугу.

Через неделю парни прямо-таки потребовали убрать Жирова из бригады. Я попросил начальника партии Бориса Петровича Краспосельцева прислать на замену рабочего, и при следующей переброске Слава Жиров улетел. Сначала на базу партии, потом домой, в Свердловск.

Может быть, действительно он случайно попал к нам в экспедицию, но этот случай лишний раз показывает, что начальству следует посылать к нам людей, умеющих работать не только там, где хочется, но и там, где нужно.

Найда

— Э то было давно. Если не ошибаюсь, году в шестьдесят четвертом... Был я в то время молодым и кучерявым, не то что сейчас, — Борис Петрович с сожалением погладил ладонями большие залысины. — Что поделаешь? Стареем.

В том году в поле мы вылетели как-то поспешно. День отлета не был заранее известен, поэтому и получилось все так неожиданно, скомканно. Приказ о выезде обрушился на нас, как холодный дождь среди жаркого лета. Отложив до осени любовные похождения и распрощавшись с пивом, через пару дней мы были уже далеко от Приреченска. И только в полях, разобрав рюкзаки, выяснили, чего стоил нам поспешный отлет. Тот забыл бритвенный прибор, тот белье, а этот вообще рюкзаки перепутал: взял с собой то, что нужно было сдать на склад личных вещей, а походный рюкзак с энцефалиткой, запасными портянками, носками и прочим барахлом оставил. Конечно, сейчас без улыбки тогдашнюю нашу растерянность и вспомнить нельзя. Представьте себе: в тайге в парадном костюме и с нивелиром на плече. Пришлось бедолаге помаяться — мошка лезет во все щели, комар грызет. Но потом его пожалели — выделили, кто энцефалитку, кто портянки.

В Крутояре, там находилась база партии, мы тоже не задержались, поэтому собаку не сумели заранее присмотреть и прикормить, перед самым вылетом поймали первую попавшуюся — и в вертолет.

Борис Петрович Красносельцев, начальник геодезической партии, руководитель нашей производственной практики, рассказывал нам — студентам топографичес-

ких техникумов — эту историю, когда мы сидели в аэропорту Приреченска и ждали спецрейс на Севера.

Жара. Июнь палит, выжимает пот, и желание спрятаться в какую-нибудь норку становится особенно острым. Залечь бы, как медведь в берлоге, и пить пиво или, на худой конец, квас (хотя эти напитки летом — большой дефицит) и балдеть. Но это мечты. А в действительности духота нас выгнала из здания аэропорта на травку ближайшего сквера, под тень кленов.

Мы лежали и слушали рассказ Красносельцева. И хотя наше воображение уже давно нарисовало картину дикой северной природы, где за каждым кустом прячется медведь или россомаха, а деревья усыпаны куропатками и тетеревами, словно грушами, мы попросили Бориса Петровича рассказать нам еще что-нибудь о Крайнем Севере, о местах, где нам предстоит работать, об интересных случаях из его жизни.

В тот год я закончил МИИГАиК¹ и по распределению оказался в Приреченске. Я давно мечтал попасть в Сибирь. И хотя была возможность поехать в Закавказье, в Тбилиси, где я проходил преддипломную практику, я не воспользовался ею. В те времена Приреченская область в картографическом отношении была слабо изучена, а геологам срочно требовалось геодезическое обоснование. Это были времена открытия большой нефти.

Меня определили помощником к Ивану Поликарповичу Цареву. Вы уже, наверное, слышали о нем. И если кто обратил внимание на Доску почета, там его фотография красуется. В те годы он считался одним из лучших наблюдателей, да и сейчас он молодым не уступает.

¹ МИИГАиК — Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

А за его плечами и Саяны, и Кавказ, и Камчатка. Возможно, кто-то из вас попадет к нему в бригаду.

Нам предстояло наблюдать пункты триангуляции в районе реки Пыхва, где, по предположению геологов, должна быть нефть. И действительно, позже там обнаружили и нефть, и газ. Объект наш считался срочным, и поэтому нам было заявлено, что в Приреченск мы попадем только после его сдачи.

Честно признаться, я поначалу боялся — тайга, которую я видел только в кино, поселений мало, да и те разбросаны за сотни километров. Ну, думаю, если заблужусь, то пропаду. Куда ни глянь — лес, лес, лес. Мне это даже диким казалось — столько деревьев вместе растет, да еще какие деревья! Шапку приходится придерживать, если вздумаешь посмотреть, как белка по ним сигает. Я ведь родом из степного края, и для меня лес — это лесополоса. Поохал я несколько дней, повосхищался, а потом привык и даже мог уверенно показать, которое дерево сосна, а которое — кедр.

Третьим членом нашей бригады был Вася Миронов, молодой парень с огромными мощными ручищами, которые, казалось, были просто приставлены к его короткому бочкообразному туловищу. Издали он очень напоминал одного из наших далеких предков, как его в книжках по биологии рисуют. В этом несуразном теле жила добрая, безотказная душа. Он постоянно был чем-то занят: что-то тесал, рубил, строгал, вязал. В перерывах варил пищу, и опять за топор или рубанок. Но иногда на него нападала хандра, он прятал инструменты в ящик, доставал из рюкзака иглу с нитками и принимался вязать сети, которых у него накопилось уже с полмешка. На вопрос, зачем ему столько, он только отмалчивался. А иногда принимался объяснять, что сети у него разные, на разную рыбу и что они всегда пригодятся. Можно, к примеру,

обменивать на водку или еще на что-нибудь. В общем, Вася был для нас человек незаменимый, и о нем я вам подробнее потом как-нибудь расскажу.

Прилетели мы на пункт и не успели еще открыть дверь вертолета, как нас атаковали полчища комаров. Пришлось терпеть до тех пор, пока не улетел вертолет и мы не распаковали вещи — там у нас был "Репудин". Вот тогда я впервые пожалел, что у меня нет хвоста. Руки заняты — надо быстро-быстро выгрузиться, а комары торжествующе поют: "Попались?!"

Собаку мы первой из вертолета выкинули, и ей тоже досталось. Все-таки в тайге комары и злее, и крупнее, да и количеством их поболее будет. Мошка и комары сразу псине облепили нос и глаза, она лапами смахивает их и жалобно визжит. Потом заскочила в вертолет, жметя к нам. Ее опять выкинули, она покрутилась и опять в вертолет. Пришлось дать ей пинка, чтобы не путалась под ногами.

Вертолет улетел. Мы достали "Репудин", намазались, сели на вещи и спокойно закурили. Потом в сторонке от вертолетной площадки поставили палатку, сделали нары, стол, раскинули спальные мешки, поставили полога от комаров и только после того, как более-менее устроились, обнаружили, что Бича нет в лагере. Кто из нас дал собаке эту кличку, я уже не помню. Да и как еще можно назвать собаку с помойки?

Так вот, обнаружили мы, что нет его в лагере. Позвали, покричали, а он то ли обиделся за пинок, то ли еще по какой причине, но к палатке не подходит. Бегает по кромке леса, лает, а не идет. Как мы его только не приманивали, что мы ему только не предлагали: и тушенку, и сухари, и рыбу, и колбасу, а он ни в какую. Ладно, думаем, проголодается — придет. Но он не пришел ни вечером, ни утром.

Вася наш забеспокоился. Как же так, хоть и собака, а есть тоже хочет. Да и собакой Бича назвать нельзя, так, щенок еще. Начали мы думать, как его изловить. Промышленные способы добычи зверя нам не подходили. Вася тем временем стал носить на "вертолетку" миску с едой. Вася от миски — пес к ней, Вася к нему — тот в лес. Как-то Вася говорит: "Придумал". Мы обсудили его проект и решили попробовать, все равно собаку как-то надо изловить. Ведь через пару-тройку дней за нами должен вертолет прилететь, а как пса в лесу бросишь?

Установили наклонно ведро, на доньшко палили баланды и приладили к ведру петлю. Бич покрутился около ведра, мол, что за новшество? Что, не могли по-человечески в миску насыпать? Но, принюхавшись, решил отведать, чего это Вася ему приготовил.

Мы подождали, пока он, не опасаясь подвоха, залезет поглубже в ведро и дернули за веревку, которая и захлестнулась у него на животе. Пес испугался, завизжал и ринулся бежать. Но как тут сбежишь? На голове ведро, на животе веревка. Привели его в палатку, и Вася тут же нацепил ему ошейник и привязал к нарам, под которыми ему выделили место.

Вечером, когда мы вернулись с наблюдений, Вася говорит нам:

— Мужики, а ведь это не пес.

— Как не пес? — говорит Иван Поликарпович. — Черт, что ли?

— Нет, это не мужик, а баба.

— Какая еще баба? — удивился Царев. — Ты чего, паря, на солнце перегрелся?

— Да, нет. Сука это, сука.

— Так чего же ты сразу не сказал? А то мозги пудришь: баба, баба.

— Так ведь ее теперь надо перекрестить, — вступил в разговор я. — Новую кличку ей надо дать.

www.dreamstime.com

— А как ее назовем? Бичиха? — предложил Вася.

— Бичиха?! Ну и фантазия у тебя. Что это за имя. Пусть она будет Найдой, раз такая оказия случилась, — принял решение Царев.

— Ну как, ты согласна? — спросили мы псину, которая во время нашего разговора пытливо поглядывала то на меня, то на Царева с Васей и дружески махала хвостом.

С того дня Найда стала полноправным, четвертым, членом нашего коллектива. Она сопровождала нас на работу к пункту триангуляции и, пока мы производили наблюдения, гоняла куропаток и других птичек. Но когда Вася брал в руки ружье, чтобы идти на охоту, она радостно взлаивала, а на нас смотрела с каким-то презрением: мол, чем вы занимаетесь, когда вокруг столько дичи.

Мы все привыкли, привязались к Найде, а Вася (сколько раз мы замечали) беседовал с ней, как с человеком. Она тоже освоилась. Стоило нам на новом месте поставить палатку, она тут же под нарами рыла себе убежище, в котором спасалась от жары и в какой-то мере от комаров. Забьется туда, лапами глаза прикроет, чтобы комар поменьше грыз, и лежит. Вздохнет иногда тяжело, поворочается, устраиваясь поудобнее, и опять затихнет. Но вот в конце июля или, скорее всего, в начале августа, уж точно не помню, нам с нею пришлось расстаться. Как и почему? Сейчас расскажу.

Перебросили нас на пункт Озерный вне плана. Начальник партии залетел к нам по пути из других бригад узнать про наши дела. Погода все дни стояла ровная: слабый ветерок, легкая облачность — короче, мечта наблюдателя, и мы, воспользовавшись этим подарком, свою работу выполнили раньше намеченного срока. У вертолетчиков было и время, и горячее, поэтому нас

решили переправить на новое место, тем более что новый пункт находился по пути на базу.

Продуктов у нас было мало, начальник пообещал выполнить нашу заявку в ближайшие дни, а пока отдал нам свой, так сказать, бортпаек — пару банок тушенки да сгущенки и несколько пачек галет.

Быстро соорудив лагерь, мы пошли "пасться" на чернику. Поликарпыч решил на вечернюю видимость не ходить, устроить себе, в общем, полный выходной. А утром следующего дня поднялся сильный ветер, и у нас опять до вечера появилось окно. Занялись камеральными работами: составляли сводки, замыкали треугольники. Вечером же, поднявшись на сигнал, увидели, что все западное направление затянуто маревом. Горела тайга. На другой день мы учуяли запах дыма и обнаружили, что пожар идет в нашу сторону. Мы с Васей заволновались: что делать? Но Царев успокоил нас, сказав, что западнее нашего лагеря протекает речка Сылваяха и огонь навряд ли перекинется через нее. Но волновало нас и другое — в назначенный срок вертолет не прилетел, а продукты на исходе. Мы ведь их не сэкономили, а когда спохватились, то экономить уже было нечего. Осталось у нас банки две-три тушенки, килограмма два макарон, горсти два риса, немного сухарей и муки и то ли банка борща, то ли щей, а из куруева несколько пачек "Беломора" да махорки.

К концу первой недели (забегая вперед, скажу, что просидели мы на том пункте три недели) наши запасы исчезли наполовину. К концу второй мы почти полностью перешли на чернику да голубику с брусникой. И хотя ягоды еще были не совсем спелые, все равно как-то разнообразили наше меню. Много было радости, если кто-то из нас находил гриб, но такое случалось не часто. Я же говорил вам, что в то лето сушь стояла почти такая же, как и сейчас. Дождей не было, так откуда же

грибу было взяться (это потом, в сентябре, мы не знали куда их девать). Про охоту и говорить нечего — дичь исчезла.

Хотя однажды Вася убил большого глухаря и в его желудке обнаружил золотой самородок размером со спичечную головку. Видимо, попался нам глухарь-путешественник — в свое время побывал в предгорьях Урала. Такого всплеска Васиной фантазии мне больше не довелось видеть. Он с ходу предложил Цареву переключиться на добычу золота. Тот не согласился, мол, никто из нас не умеет мыть золото, а Вася горячо возразил, что это пустяки, что главное начать, а после первых добытых килограммов дело пойдет само собой.

Шутки шутками, но третья неделя оказалась очень тяжелой. Вы ведь знаете, как неприятно ожидание, а ожидание на пустой желудок тяжело вдвойне. Царев все чаще посматривал на Найду, а потом наступил день, когда он предложил нам зарезать ее и съесть. Вася бурно запротестовал, заявив, что он попытается еще какую-нибудь дичину подстрелить. Но лес словно вымер, даже надоевшие ронжи куда-то подевались. Я тоже был против. Царев же стоял на своем. Вася заявил, что пристрелит любого, кто тронет Найду хотя бы пальцем. Иван Поликарпович уступил. Напрягши свои извилины, вспомнив классиков приключенческого жанра, я решил сварить суп из лосиной шкуры, которую Царев использовал вместо подстилки. Тщательно промыв ее в нескольких водах и сбрав ножом шерсть, я нарезал кусок шкуры лапшой и поставил варить. Царев смотрел и только ухмылялся. Решив, что мое блюдо уже готово, я взял кусочек и начал жевать — не жуется. Тогда я измельчил несколько кусочков и начал глотать их, как утка, не жуя. И еле успел отбежать от костра, как меня вырвало. Видимо, я еще не был готов к таким испытаниям.

Вот вы сейчас смеетесь, а мне тогда не до смеха было. А какими мы стали худыми! Глаза запали, носы заострились, кожа пожелтела. Но все-таки, должен заметить, Вася с Поликарпычем сжевали ту шкуру. Я же после того эксперимента залез в спальник и лежал до той поры, пока Царев чуть ли не пинками погнал меня на черничник. А на меня такая апатия напала, что ничего не хотелось: ни есть, ни думать, а только спать и спать.

Царев с помощью Васи расшевелил меня, и я выполз на гриву, к ягодам. Случайно мой взгляд натолкнулся на Найду. "Так это же мясо", — ожгла мысль. И до того мне стало жаль себя, что даже слезы покатались из глаз.

— Поликарпыч! — закричал я. — Вари!

— Чего, милок, варить-то?

— Найду вари!

Вася с дикой злобой посмотрел на меня, взял Найду на поводок и пошел на охоту. И после этого он не отпускал ее от себя ни на шаг.

Но время сделало свое дело — сдался и Вася. Заканчивалась третья неделя нашего вынужденного сидения. Мы решили еще ночь потерпеть и, если с утра не будет вертолета, сварить Найду. Она, видимо, чувствовала это — скулила, визжала, пыталась вырваться, потихоньку грызла веревку, но и у нее уже не было сил перекусить капроновый фал.

Утро нам радости не принесло, и к обеду Иван Поликарпович сварил собачатину. И должен вам, друзья мои, сказать, что вкуснее я еще ничего не ел! К вечеру мы повеселели, и Царев поставил варить следующую порцию. Я лежал у костра и мечтал о том, что буду есть, когда вернусь на Большую землю.

Вдруг сквозь скрип деревьев, треск горящих поленьев, послышался до боли знакомый звук. Смотрю, и Вася

голову приподнял — тоже прислушивается. Царев же застыл в напряженной позе с поварешкой в руке. А звук все ближе и ближе, все знакомее и роднее. Бог мой! Да это же вертолет!

— Ура! — кричу. — Вертолет!

Откуда только силы взялись. Вскрываю и лихорадочно начинаю собираться. Мужики тоже забегали. Воп уже над лесом показалась зеленая стрекочущая точка. Вертолет сделал над нами “круг почета” и сел. А у нас уж и сил нет загружать вещи. Такая тоска напала. Сидим и смотрим, как начальник партии вместе с бортмехаником таскают в вертолет наше барахло. Затем и нам помогли взобраться.

Потом была больница, а потом опять поле. И снова с нами была собака, и ее мы называли Найдой. Да и сейчас у Царева Найда в бригаде есть. А вертолета долго не было из-за лесного пожара, пока не потушили, он работал на лесников. Ну что, давайте собираться, кажется, наш рейс объявляют.

Шкура неубитого медведя

Эту забавную историю рассказали мне в аэропорту города Салехарда, когда мы сидели уже вторую неделю в ожидании рейса на Мыс Каменный.

Приехали в Заполярную геологоразведочную экспедицию три гарных хлопчика с цветущей Украины, чтобы заработать себе, как говорится, “на колеса”. Подрядились они заготовить лес для нужд экспедиции в верховьях реки Таз. Составили и подписали договор, получили спецодежду и необходимые инструменты, а также аван-

сы и продукты и в ожидании вертолета решили немножко попить вина.

Это дело быстро просекли местные бичи и пали им "на хвост". В течение пары дней авансы оказались в кассе магазина "Юбилейный", а жажда не проходила. Бичи знали, что еще имеется несколько коробок тушенки и стущенки, и предложили обменять дефицитные продукты на водку и вино, мотивируя это тем, что в местах, где приедем предстоит работать, дичи видимо-невидимо. На каждом дереве, убеждали они, сидит или глухарь, или тетерев, а лоси прямо-таки бродят стадами, так что при умелом обращении с ружьем даже начинающий охотник будет всегда со свежатинкой.

Что повлияло на решение заготовителей, то ли рассказы новоявленных друзей, то ли природный зов желудка, я судить не берусь, но знаю точно, что в лес они вылетели почти без продуктов.

И вот однажды случайно они натолкнулись на медвежью берлогу. Вечером, за кружкой браги, распределили роли и обязанности. Бригадир, самый большой и толстый, взял себе ружье. Один из лесовиков прихватил топор, а другой нож, чтобы снимать шкуру.

Утром все заняли свои позиции. Тот, что с ножом, начал шурудить жердью в берлоге... Раздался дикий рев, и они побежали. Вы можете представить себе сами, что это был за бег: снегу уже навалило по колено, кочки, валежины, сзади медведь, а впереди всех бежит бригадир с ружьем и орет: "Кто меня обгонит — ЗАСТРЕЛЮ!"

Телеграмма

Вот уже почти два месяца Сергей Бабанов жил в ожидании чего-то неясного, но знаменательного. Чего именно? Он и сам точно не знал, но чувствовал, что произойдет что-то хорошее. И лишь одно Сергей знал точно: он ждет изо дня в день, каждую минуту, с того самого часа, как они расстались, восточку — письмо, телеграмму, звонок Наташи, ждет с затаенной надеждой: "А вдруг?!"

Семь часов утра. Сергей еще в постели. Он любит, проснувшись, полежать, понежиться минут десять — пятнадцать. Дом уже проснулся и наполнился привычными, надоевшими до смерти звуками: он слышит, как у соседа сердито заворчал водопроводный кран, а сверху донесся шаркающий звук шлепанцев.

О, век бетона и стекла! О, мое деревянное чудо — полет фантазии архитектора, шедевр строительного искусства!

Скрипнула входная дверь. Шаги. Металлический скрежет крышек почтовых ящиков. "Может быть, и мне письмо?.." Подгоняемый любопытством, Сергей вскочил с постели и побежал к двери. Из всех щелей тянуло холодом. Мелькнула мысль: "Надо бы получше дверь утеплить..." Он встряхнул газеты. Ничего. Еще на что-то надеясь, он перебрал и развернул каждую, но и это не дало желанного результата — письма не было. "Эх, Наташа, Наташа..." — вздохнул Сергей и пошел одеваться.

Наташа Старцева. С нею Сергей познакомился случайно, когда пришел к сослуживцу на семейный праздник. К товарищу этому он тоже попал неожиданно. В пятницу, в конце рабочего дня, Виктор, так зовут товарища, подошел и спросил:

— Чем ты, Серега, завтра заниматься будешь?

— Не знаю, — Сергей пожал плечами. Хотя уже со вторника готовился к рыбалке. Среди рыбаков прошел слух, что на Круглом озере хорошо берет чебак на дождевого червя. Сергей, опасаясь насмешек, скрывал свою любовь к рыбалке. — Не знаю, — повторил он, — поживем увидим.

— Слушай, приходи завтра к обеду ко мне, — предложил Виктор.

— Это еще зачем? — удивился Сергей.

— У моей бабы, — принялся объяснять Виктор, — день рождения...

— А я-то здесь при чем? Я в этом не виноват.

— Баб будет много, а из мужиков только мы со своим. Выручи, а?

— Ну, ладно. Завтра видно будет. Смогу, приду, а нет, — он развел руками, — как говорится, на нет и суда нет.

Всю ночь шел дождь. И лишь к утру погода начала устанавливаться. Да и то иногда резкие порывы ветра срывали с туч гроздь дождя. "Пропала рыбалка, — сокрушался Сергей, — день пропал. Вот невезуха!" Но тут он вспомнил о приглашении Виктора. "А, была не была, пойду. В конце концов, не покусает же меня. Все-таки будет лучше, чем в этой конуре целый день торчать". Он обвел тоскливым взглядом стены своей холостяцкой комнаты.

Заехав на рынок, Сергей купил букет цветов в подарок имениннице и отправился в новый микрорайон, где Виктор недавно получил квартиру.

— Молодец, что пришел, — почему-то шепотом сказал ему Виктор.

Видимо, услышав шум, в коридор из кухни выглянула женщина лет двадцати пяти. "Это, должно быть, и есть виновница торжества", — подумал Сергей.

— Знакомься, — подтолкнул его локтем Виктор, — моя супруга ...

— Мария, — сказала женщина, протянув руку.

— Сергей, — он, слегка наклонясь, поцеловал ее теплую, пахнущую тестом руку, которую та поспешно вырвала. Застыдившись, она покраснела и спрятала руки под цветастым передником.

— Век цвести вам, — он вручил ей букет.

— Большое спасибо! — она покраснела еще больше и спрятала лицо в цветы. — Проходите, пожалуйста.

В комнате Виктор познакомил его со свояком, с женой свояка, с подругой Марии и с удивительным созданием — прелестной, русоволосой девушкой с огромными серыми глазами, лет семнадцати-восемнадцати по имени Наташа.

— Серега, а Серега. Давай выпьем. Давай по маленькой за знакомство, — свояк Вася похлопал по стулу. — Садись рядом. Замолчь! — цыкнул он на жену, которая дергала его за полу пиджака и шепотом просила: "Вася, хватит Вася!" — Замолчь! Я кому сказал! — угрожающе произнес он. — Сейчас мы, Серега, сейчас. — Он наполнил рюмки водкой. — А вот и птицу нам на закуску несут! — воскликнул он, увидев Марию с большим блюдом жареной курицы.

Но Сергей не обращал внимания ни на Васю с водкой, ни на Марию с курицей. Он только кивал головой в знак согласия, а сам не отрываясь смотрел на Наташу. А в голове билась одна мысль: "Это надо же такие глаза иметь! Это надо же такие глаза иметь!"

Наташа заметила его взгляд и мило улыбнулась. "А какая у нее улыбка! Какая улыбка!" Сергей безуспешно пытался сосредоточить свое внимание на книгах, стоявших в книжном шкафу за Наташиной спиной.

Тут начались тосты за здоровье новорожденной, за хозяина дома, за благополучие семьи, за... Свояк Вася, успевший, видимо, еще с утра принять изрядную дозу спиртного, зудел над ухом, как назойливая муха: "Сергея... друг... я... тебя... уважаю... Дай... я... тебя... поцелую", и лез обниматься.

Виктор отошел в угол, поковырялся в пластинках, включил проигрыватель, и полились звуки старинного танго.

— Наташа! Давайте сбежим, а? Смотрите, как за окном солнышко сияет. Сбежим, а?! — шептал он, бережно ведя ее в танце.

— Давайте, Сережа, сбежим, — она улыбнулась.

О чем они говорили в тот вечер, Сергей, как ни пытался, не мог вспомнить. Помнилось лишь, что он, вопреки обыкновению, болтал без умолку. О чем? Это было неважно. Грудь распирала безмерная радость, и он пребывал в неопишемом восторге. Он пытался петь свои любимые песни, читать давно забытые стихи. А проводив Наташу, домой он, кажется, летел на крыльях.

С того дня они начали встречаться ежедневно.

Это случилось теплой июльской ночью на берегу тихой лесной речушки, куда Виктор предложил Сергею с Наташей поехать вместе с ними на выходные. Он купил "Жигули", был очень рад и горд и теперь регулярно по выходным совершал вылазки на лоно природы то за грибами, то за ягодами, то на рыбалку. На ужин у них была уха из петуха, которого Мария благоразумно прихватила из дома, не надеясь на рыбацкие способности мужчин, а потом Сергей с Наташей пошли погулять над рекой.

То ли лунный свет, то ли тихий шепот камыша, то ли напоенный ароматами трав ночной воздух бросили их в

объятия друг друга. И то ли Сергей был так страстно настойчив, то ли что другое, но...

— Сережа! Милый! Что же мы наделали?! Что же будет дальше?! — она смотрела на него своими большими, полными слез глазами.

Сергей лежал молча, устремив взгляд к звездам, и, жуя травинку, обдумывал создавшееся положение.

— Успокойся, Наташа, все будет хорошо.

— Правда, милый? Правда?! — она осыпала его лицо поцелуями.

Прошло два месяца. Наташа не сдала математику на вступительных экзаменах, поступила на вечерние подготовительные курсы и решала, куда пойти работать.

Однажды, когда Сергей вечером пришел встречать ее из института, она сказала злым звенящим голосом:

— Я сегодня была в консультации... в женской...

— Ну, что из этого?

— Как что?! У нас будет ребенок! А ведь ты говорил, что все будет хорошо... — В ее голосе послышались плаксивые, истеричные нотки.

— Натка! Правда?! — он радостно закружил ее. — Вот здорово! Ну ты молодец!

— Пусти, дурак! Чему ты радуешься? Зачем мне эти пеленки?! Ночи не спать, никуда не пойдешь... А я еще молодая! Я жить хочу! Я гулять хочу! Да, да, жить хочу!

— А ты что, разве сейчас не живешь?

— Я учиться хочу!

— Да разве я тебе запрещаю? Учись на здоровье. Ребенок этому не помеха. Учись, а я нянчиться с ним буду.

— Какая это учеба на заочном отделении?!

— Поступай на очное. Или ты думаешь, что я вас не прокормлю? Я все-таки дипломированный электросварщик, и у меня пятый разряд.

— Но ты же сам готовишься поступать в строительный?

— Значит, пока не буду поступать. Не всем же инженерами быть. У меня уже специальность есть, а вот тебе надо учиться.

— Нет, не буду рожать!

— Наташа! Ты сначала подумай...

— А что тут думать? Я давно это знала, так что много думок уже передумала. Нет, не буду!

— Ну что мне тебе еще сказать? — Сергей психанул. — Прощай!

Он повернулся и пошел к автобусной остановке, хотя сердце его кричало от боли: "Куда ты? Остановись! Вернись!"

Назавтра Виктор сказал, что Наташа уехала в деревню, к родителям.

С той поры Сергей с нетерпением ждет прихода почтальона, но Наташа молчит вот уже почти два месяца. Сегодня тоже нет письма. Он собрался на работу, когда раздался резкий звонок.

— Бабанов здесь живет? Распишитесь.

Дрожащими руками он раскрыл телеграмму: "СЕРЕЖА МИЛЫЙ ВСТРЕЧАЙ ПЯТОГО АВТОБУСОМ ЦЕЛУЮ ТВОЯ НАТАША".

Трудный маршрут

Красносельцев тяжело поднимался на второй этаж конторы. Лестница была крута и высока, а каждый шаг отзывался в голове резкой, мучительной болью. Поэтому он старался ступать как можно аккуратнее, медленно и осторожно переставляя ноги со ступеньки на ступеньку. "И надо же было так нажраться, — рассуждал он про себя. — В голове как будто студень колыхается. И за что же мне такие мучения? Нет, так жить дальше нельзя".

Борис Петрович Красносельцев мучился с похмелья.

Вот уже в течение пяти лет он давал себе по утрам одну и ту же клятву: "Все. Завяжу. Это в последний раз". Но заканчивался очередной рабочий день, и он, придя в свою комнатку, садился на скрипучую кровать и, сцепив крепко ладони, решал надоевшую ему проблему: "Чем заняться?"

Не раздеваясь, он ложился на кровать. Просматривал газеты. Потом принимался за книгу, которую читал урывками по несколько страниц в день. Время от времени он посматривал на будильник, стоявший рядом на тумбочке. И чем меньше времени оставалось до семи часов, тем чаще он отрывался от книги.

Мысль о том, что он не успеет, не давала ему покоя. Он пытался отогнать ее, сосредоточить все свое внимание на тексте, но это ему не удавалось. Строчки то прыгали перед глазами, то сливались в сплошную серую стену. Он раз за разом перечитывал одно и то же предложение, пытаясь понять его смысл. Наконец, не выдержав борьбы с самим собой, этой добровольной пытки, он поспешно собирался и шел в магазин за вином.

Борис Петрович запил после того, как, вернувшись домой после очередного полевого сезона, обнаружил на

пыльном столе пожелтевшую, выцветшую на солнце записку от жены: "Мне все надоело. Я устала тебя ждать. Искать меня не надо. Я встретила хорошего человека и уезжаю с ним. Прости за все".

Он опешил. Пытаясь найти ответ или приписку о том, что это розыгрыш, шутка, пусть глупая, злая, по все же шутка, он крутил, вертел листок из ученической тетрадки, исписанный с одной стороны размашистым округлым почерком. "Нет! Этого не может быть! Вика не могла... Я же люблю ее!"

Но в комнате все подтверждало правдивость слов, выведенных на бумаге. Не было на комодке веселого деревянного человечка на ногах-пружинках — его подарок Вике в день рождения. На полированной поверхности стола лежал толстый, пушистый слой пыли. Да и весь вид комнаты говорил о том, что здесь давненько уже не жили. "Что же это? Почему так? — Борис Петрович опустил на стул, беспомощно посмотрел по сторонам, приблизил к глазам листок, прочел еще раз записку и яростно сжал ее в кулаке, словно она была виновником этой беды. "Что же теперь, Вика?! Что же ты наделала? Как же я буду без тебя?" Но никто не мог ответить на эти вопросы...

В памяти всплывали этапы их совместной жизни. Первая крупная размолвка произошла между ними на втором году, они спорили — быть или не быть их ребенку. Вика тогда заявила, что сделает аборт. Он очень разволновался. Сначала пытался убедить, доказать ей, что ребенок им просто необходим, ей самой веселей будет. Затем начал кричать. Но Вика все же настояла на своем: "Мы молодые, еще успеем. А ты подумал о том, где мы жить будем? Пока свою квартиру не получим, о детях можешь и не заикаться".

Борис Петрович потом часто упрекал себя в малодушии. А память услужливо подсказывала: "А ты помнишь прошлогодний случай?"

В Приреченске стояла осень. Ветер гонял по улицам сухие, желтые листья. Они шуршали, хрустели под ногами. Красносельцева всегда удивляло то, что в Приреченске их жгут не осенью, а весной вместе с другим мусором.

Прилетев в город, он сначала заехал в экспедицию, оставил в сейфе полевые материалы. Под лестницей, ведущей на второй этаж, бросил рюкзак и пошел домой. Еще издали он услышал топот пляшущих и музыку. "О! У нас гуляют? — удивился он. — А какой же сегодня праздник?"

Окно их домика было распахнуто, и оттуда доносились пьяные крики, смех, веселый шум.

Открыв заскрипевшую калитку, он заметил возле куста сирени целующихся. Они так увлеклись, что даже не обратили внимания на скрип. Борис Петрович почувствовал неловкость и, чтобы обозначить свое присутствие, громко хлопнул калиткой. Парень резко отскочил в сторону. Девушка, медленно поправляя прическу, повернулась к нему.

— Вика?..

Красносельцева будто бы ударили по голове. В глазах потемнело, словно перед ним неожиданно вспыхнул и погас яркий свет. Язык не ворочался, горло перехватило. "Что это? Вика?.. Не может этого быть!"

— Вика! — крикнул он. — Ты?!

— Боря? — удивленно воскликнула та. — Это мой муж, — пояснила она парню и подбежала к Красносельцеву: — Боря! Ты так неожиданно... А у нас сегодня гости. Мы гуляем. Что же ты стоишь? Пойдем, — она хотела взять его за руку.

Он резко дернулся, как от собаки, пытавшейся уку- сить. Покрутил в руках букет астр, который купил в аэропорту. Зачем-то пошухал его и швырнул через за- бор на улицу.

Услышав их разговор, гости высыпали во двор.

— О, кто явился? Привет первопроходцам! — Его начали тискать, обнимать и жать руку. Женщины цело- вали его, пытаясь угодить в губы.

Красносельцев до сих пор удивлялся, как это в тот раз он не надавал Вике пощечин. То ли помешали цветы, которые он тогда держал в руках, то ли гости. Да и все было так нежданно-негаданно. На другой день Вика из- випилась. Злость Бориса Петровича прошла, и все по- степенно забылось.

— Я ее все равно найду. Я ей покажу, как издевать- ся над человеком. Я ей покажу, как убегать от закошого мужа! — кричал он своим собутыльникам. — Мужики! Ну, помогите мне найти ее! Я же не могу жить без нее!

Те сочувственно поддакивали, подливали вина в ста- кан, не забывая и о своих, били себя в грудь и, выражая солидарность, нещадно ругали женщин. И среди них обязательно находился желающий сбегать в магазин за вином.

В пьяном угаре пролетел месяц. Деньги подошли к концу, и все "друзья" куда-то мигом исчезли.

Отлежавшись, Борис Петрович навел порядок в доми- ке. И хотя он тщательно вымыл полы, перестирал постель- ное белье и занавески, стойкий запах винно-табачной сме- си долго держался в комнате. Пришлось попросить квар- тирную хозяйку побелить стены и потолок. Обдумав со- здавшееся положение, он пришел к выводу, что жену ис- кать не стоит. Даже если он и найдет ее, та вряд ли вер- нется. Месячный загул обошелся ему понижением в дол- жности и лишением тринадцатой зарплаты.

С той поры, бывая в Приреченске, Красносельцев каждый вечер напивался. Однако на работу являлся без опозданий, как бы тяжело ему ни приходилось. Стал он замкнутым, малоразговорчивым, старался ничем не привлекать к себе внимания. Куда только делся весельчак и балагур, гитарист и песенник Боря, Боб, как называли его сослуживцы. Все качали головами, многозначительно переглядывались, пожимали плечами и ничего ему не говорили. Он знал их мнение о себе и о Вике, но ничего не мог с собой поделать. Он не мог бросить ни вино, ни любимую работу. А чтобы меньше вспоминалась Вика, он сменил квартиру.

Комната была небольшая и, главное, в пяти минут ходьбы от экспедиции. Баба Фаня, его квартирная хозяйка, готовила еду и иногда стирала белье. Часто она поругивала его за пьянку и в то же время жалковала: "Какой мужик пропадает!" Жилец он был удобный: хоть и пил, но не буянил, не ругался, да и гости к нему не часто ходили. За квартиру он всегда платил исправно и в помощи по хозяйству никогда не отказывал. Баба Фаня никак не понимала, почему от него ушла жена.

Красносельцев разделся, расчесал свои густые волосы с уже проклюнувшимися залысинами и, массируя мешки под глазами, пробормотал себе под нос: "Да, брат, видок-то у тебя страшноватый".

Он вышел в коридор, где мужчины, яростно дымя, неторопливо обменивались новостями спорта и политики. Постоял возле одной группы, перешел к другой, третьей. Одни обсуждали, почему наши хоккеисты проиграли чехам, другие спорили о том, что творится в Иране, а третьи, поклонники приреченского "Рубина", решали, что же мешает ему хорошо играть.

Борис Петрович не курил и в спорах не участвовал, но послушать, о чем говорят, любил. Он стоял и слушал

очередного оратора, вещавшего о достоинствах и слабых сторонах сборной Союза по хоккею, когда Бодров, проходя в радиорубку, окликнул его: "Красносельцев. Зайди ко мне после десяти".

Василий Иванович Бодров был начальником топографо-геодезической экспедиции второй год. После окончания института он работал в партии у Красносельцева инженером-геодезистом. Потом, после известных событий, сменил Бориса Петровича на посту начальника партии и одновременно развил кипучую профсоюзную деятельность, что и привело его, по твердому убеждению работников экспедиции, в кресло начальника. Его правление началось с потока всевозможных приказов и распоряжений, которые заполнили всю доску объявлений, при старом начальнике частенько пустовавшую. "Объявить выговор... Предупредить... Поставить на вид..." и прочее, прочее, прочее.

Сначала все посмеивались, мол, "новая метла по-новому метет", затем начали роптать. Первыми возмущались женщины: "Надо же, вызовет к себе в кабинет и даже присесть не предложит. А если надо сходить на час-два в больницу или детский садик, то пиши заявление на отпуск без содержания". Потом стали возмущаться полевики — Бодров оказался горазд на обещания, но почти никогда не держал своего слова. А если и держал, то обещанное выполнял не до конца. Но всеобщее возмущение достигло предела, когда он в середине полевого сезона, никого не предупредив, резко поднял нормы выработки, что сразу же сказалось на зарплате. Наиболее горячие головы, "обласкав" его на все лады, писали заявления и увольнялись. Уходили из экспедиции старые, наиболее опытные кадры, благо в Приреченске располагалась еще одна топографо-геодезическая экспедиция. Молодые же специалисты посмеивались над

выговорами и потихоньку считали дни до окончания срока обязательной отработки. Потом они тихо исчезали, а на их место приходила другая молодежь.

Бодров спохватился, когда экспедиция из месяца в месяц стала заваливать производственные планы, но было уже поздно. Опытных исполнителей остались считанные единицы, да и те не рвали туши, а присматривали себе место на стороне. А молодежь гнала вместо плана брак. Красносельцев был в числе тех, кто еще остался. "Куда я пойду? Кому я нужен? Тут хоть никого не волнует, что я пью".

— Вот какое дело, Борис! — Бодров закурил, откинулся в кресле, жестом пригласил Красносельцева сесть. — Надо машину, ГАЗ-71, из Заполярного в Енисейск перегнать. Как ты на это смотришь?

Красносельцев подошел к большой карте Советского Союза, висевшей на стене, отыскал взглядом названные пункты и присвистнул:

— Да-а, а воздухом нельзя?

— Можно и воздухом. Но ты представь, во что нам это обойдется. Ми-6 нам такую сумму накрутит, что в предприятии за это с меня штаны снимут... вместе с кожей, — Бодров засмеялся. — А так мы на "восьмерке" или на "аннушке" тебе по маршруту бензин раскидаем. Время есть, гони себе потихоньку по реке, а потом на телефонку выскочишь. А там уже тайга — глухари, белки. Дичи навалом — стреляй сколько душе угодно. Ну так как? Берешься?

— А зачем туда вездеход гнать? Разве там нельзя технику какую-нибудь арендовать?

— Линию нивелирования второго класса Пуровск-Енисейск повторять будем. Там нивелировка еще тридцатых годов.

— Так ведь можно и от Пуровска пачать. Какая раз-

ница? Все равно потом из Енисейска "газушку" надо будет или выгонять или вывозить.

— Понимаешь, — Бодров вновь закурил, — нам на следующий год плановики предприятия обещают в районе Пуровска несколько объектов дать. Так я думаю, что пивелировщики вовремя с машиной подойдут.

— Да. Если от нее что-нибудь останется, — с иронией заметил Борис Петрович. — А как ехать? Зима ведь еще...

— Ты посмотри, теплынь какая! И снега уж давно нет...

— Ну, ты и сравнил — Приреченск и Крайний Север. Там и сейчас мороз под тридцать давит.

— Надо, Борис, ехать, а кроме тебя, некому. Молодого же не пошлешь. Да, кстати, ты чем сейчас занимаешься?

— Рабочий проект на высотно-плановую привязку аэроснимков составляю.

— Это работа начальника партии, вот пусть он ею и занимается. А ты все-таки собирайся.

— А кто машину вести будет?

— Думаю послать с тобой Верхотурова и Виноградова, у них машины новые, им сейчас делать печего, пусть пока проветрятся. А в Заполярном еще возьмешь рабочего Ахматулина, он, поди, уже устал за зиму спать и спать.

— Ну, раз надо, значит, надо. Вот еще что, ты нам по второму спальнику выпиши — холодно пока.

— Все будет, иди собирайся. Паспорт на пропуск не забудь сдать.

Собрав все необходимое оборудование и снаряжение, Красносельцев отправил его с шоферами спецрейсом в Заполярный, а сам в ожидании рейсового самолета, который летал туда раз в неделю, взял отпуск без

содержания и "зажужжал". В Заполярном "сухой закон". А в поле он и сам не пил, и другим не позволял. Вот поэтому и решил гульнуть "под занавес".

— Молодой человек, что с вами? Вставайте, ну вставайте же. Что же это вы в грязи лежите? Простынете ведь...

Красносельцев слышал женский голос, но не мог понять: где он и что с ним. Он чувствовал, как кто-то тянет его за воротник пальто.

— Вставайте. Мне вас не поднять. О, да у вас все лицо в крови! — Он перевернулся на живот, встал на одно колено, на другое, потом медленно поднялся на ноги. Потрогал распухшие, липкие от крови нос и губы, ощупал голову и грудь и рассмеялся.

— Чему вы смеетесь? Что это с вами?

— Голова целая — значит, буду жить. Это все вино...

— Что, вино? — удивленно спросила девушка.

— Понимаете, не хватило вина, и я пошел в магазин. Потом, на обратном пути, меня встретили трое. Говорят: "Давай мы поможем тебе вино выпить". Я отказался. Тогда они предложили купить у них кирпич, хороший такой кирпич, красный... А потом вот вы подошли... А где бутылка? — Он встревоженно похлопал себя по карманам. — Нету... Значит, отобрали, — уныло протянул он. — Слушайте, милая девушка, раз вы такая добрая, то займите мне три рубля до завтра. Семи часов нет еще? — забеспокоился он.

— Уже скоро восемь, — она взглянула на часы и уточнила: — Без двадцати. Пойдемте, я вас провожу домой.

— Сколько же времени я тут лежал? Получается, почти час... Да, классически меня вырубил. Эх, жаль, лиц не запомнил!

— Где вы живете? — она теребила его за рукав. — Вы слышите меня?

— Что? Слышу, слышу. Правильно идем. Вон за тем перекрестком, где светофор светится, первый переулок налево. Слушайте, милая девушка, что вы возитесь со мной? Большое вам спасибо за то, что подняли. Я теперь сам доберусь, а вы идите домой или на свидание, не знаю, куда вы там шли.

— Нет, я пока не сдам вас вашей жене из рук в руки, никуда не пойду.

Он резко вырвался, и его повело в сторону, но она успела опять ухватить его за рукав. Красносельцев дернулся снова, но девушка держала руку крепко, и он передумал сопротивляться.

— Нету у меня жены, — со злостью сказал он. — Нету!

Девушка, ласково успокаивая, повела его дальше.

Услышав шум в коридоре, выглянула баба Фаня и удивилась, увидев Красносельцева с девушкой. Она хотела уже уйти к себе в комнату, но ее что-то остановило. Она подошла к ним поближе, присмотрелась и всплеснула руками:

— Боря! Чего это с тобой, мил человек? Упал, никак?

— Нет, бабушка, его побили, — сказала девушка, а Борис Петрович в подтверждение кивнул головой.

— Побили?.. — удивленно и заинтересованно спросила баба Фаня и подошла еще ближе: — Ой! Да ты, мил человек, весь в крови. Умыться тебе надобно, — она поспешила в свою комнату и через минуту-другую принесла чайник с теплой водой и наполнила умывальник, стоявший в дальнем углу коридора, за занавеской.

Красносельцев снял пальто, сполоснул лицо и, сняв ботинки, не развязывая шнурков, рухнул на кровать. Девушка с интересом осматривала комнату: койка,

письменный стол, книжная полка с двумя рядами книг, у входа деревянная лавка, на которой стоит электроплитка и всевозможная посуда, на полу цветастая дорожка.

— А ты, милая, откуда взялась?, — спросила баба Фаня девушку. Она в этой комнате ни разу не видела женщины с тех пор, как в ней поселился Красносельцев.

— Я шла домой из института. Смотрю, человек в грязи лежит. Я помогла ему встать и довела сюда. А что, он правда один живет?

Баба Фаня взглянула на Красносельцева, который уже начал посвистывать носом, и шепотом сказала:

— Вот, почитай, пятый год он у меня живет, а все один и один. Жена от него ушла, так он за вино взялся. Кажин Божий день пьет, но спокойный, выпьет — спать ложится. Такой прямо спокойный...

— А кто ему готовит еду? Стирает?

— Все сам, милая, все сам. Бельишко-то я иногда стираю, если поясница не болит. А прибирается и еду себе готовит он сам. Это он сегодня такой напитый, а так он меру знает. Никогда не буйнит и не ругается. Что это мы здесь стоим? Пойдем-ка, милая, ко мне чайку попьем. Как-то хоть звать тебя?

— Меня зовут Вера. Я, бабушка, если можно, завтра к нему приду. Вы скажите ему, чтобы он дождался меня и никуда не уходил.

— Да что ты, милая! Он, окромя винного магазина, никуда и не ходит, такой домосед...

Утром следующего дня Красносельцев, открыв глаза, опешил — на плитке весело позванивал крышкой чайник, а какая-то незнакомая девушка мыла пол. "Да где это я? Как я сюда попал? И что это за женщина?" Но ответов на свои вопросы, как ни напрягал извилины, он

не получил. Борис Петрович скосил глаза в сторону, осмотрелся. "Похоже, что я у себя дома. Тогда кто же это?"

— Вставайте, соня, вставайте. Я же вижу, что вы не спите,— весело щебетала девушка, затирая последние капли воды на полу.

"А голос-то знакомый... Так, где же я ее видел? А...а...а!" — он вспомнил вчерашнее и осторожно потрогал лицо.

— Простите, — он с трудом разлепил губы, — простите. Я прошу меня извинить, но я не помню, как вас зовут. Кто вы, таинственная незнакомка? — выговорив столь длинное и высокопарное обращение, он облизнул засочившиеся губы.

— Я — Вера. Вы, что ли, ничего не помните?

— Почему же? Помню... А что вы здесь делаете?

— Как видите — убираю. Вы вставайте, вставайте. Я сейчас быстро закончу, и будем завтракать.

Когда Вера понесла выливать воду, Красносельцев поспешно вскочил и заметался по комнате в поисках брюк. "Куда же они запропалились? А, вот где! С чего вдруг она пришла? Может, я вчера звал ее в гости? А может, баба Фаня попросила ее помочь? Так я бы все сам убрал. А вообще-то она ничего, симпатичная и чем-то похожа на Вику. Эх! Вика, Вика!"

— Ну, вот теперь порядок, — Вера внимательным, хозяйским взглядом осмотрела сделанное. — Теперь можно чай пить. Я вам варенья принесла и пирожки. Вы любите пирожки? Да вы не стесняйтесь. Берите, берите. Это я сама пекла. Ну как, вкусно?

— Угу, — промычал Борис Петрович с плотно закрытым ртом.

— А вас Борисом зовут?

— Угу.

— А я вот учусь... Уже на четвертом курсе. Еще год, и все. Вы в экспедиции работаете?

— Мм...м...м...

— Что вы мычите? Не хотите говорить?

— Угу... Нет, нет. Почему же не хочу?! Я слушаю вас. А пирожки действительно очень вкусные.

— Правда? — Она взглянула на него и засмушалась. — Спасибо. Я пекла и думала: понравятся вам или нет.

“С чего это она для меня вздумала пирожки стряпать? Кто я ей: сват, брат, пионервожатый?” Он смотрел на ее радостное лицо, раскрасневшееся от похвалы, и спешно пытался отыскать тему для разговора, но мысли были в разбеге.

— Я, конечно, благодарен вам за все. Мне, право, неудобно. Я не стою того, чтобы вы тратили на меня свое драгоценное время. Он мялся, заикался и мучился от того, что не может ей сказать прямо: “Девушка! Нам с вами не по пути. Я конченный человек, а у вас жизнь только начинается. Идите веселитесь, живите счастливо, радостно, а я буду жить как и прежде. Зачем вы врываетесь в мою жизнь? Что вам от меня надо? Разве вам интересно говорить с пьяницей? Или вас обуяла жалость? Жалость ваша мне не нужна. Спасибо еще раз за все, и давайте распрощаемся навсегда”. Он вгляделся в ее простое, открытое лицо, и язык его стал непослушным. Что-то удержало от слов, которые могут обидеть, унижить ее, замарают то хорошее, что возникло между ними.

Вера, видимо, поняла состояние Бориса Петровича и поспешила ему на помощь.

— А я решила над вами шефство взять. И уже наметила план, как говорят, культурного отдыха, если вы его одобрите. Вот сегодня, к примеру, мы пойдем в

кино. — Она увидела лицо Красносельцева и, помолчав, спросила: — Вы не согласны?

— Нет, нет. Почему же не сходить? Я уж забыл, когда последний раз в кинотеатре был. — "Вот привязалась. Придется идти. Жаль обижать девчонку. А какая она настырная... Наметила план... Культурная программа... Посмотрим, что получится из этой затеи".

А вслух он произнес:

— Ну, куда я пойду такой?

— А мы пойдем на дневной сеанс, зал наверняка пустой будет.

— Извините, я переоденусь.

Он сменил спортивную куртку на черный свитер. Свитер этот был для него своеобразной палочкой-выручалочкой. Если вдруг оказывалось, что нет свежей рубашки или они были не глаженные, в дело шел свитер. И все-таки Борис Петрович надевал его редко — ведь свитер вязала Вика.

Эти три дня до отъезда для Красносельцева прошли как-то незаметно, пролетели как мгновение. Все время было заполнено Верой. А больше всего он поразился тому, что напрочь забыл о вине. Забыл — и все. И когда летел в Заполярный, пассажиры удивленно оглядывались на его счастливое лицо. Он чему-то радостно улыбался, хмыкал, качал головой и снова улыбался, словно вел с кем-то невидимым интересную беседу.

Радость такую он испытал впервые. Она буквально распирала ему грудь. Вера, приехав проводить его в аэропорт, шепнула на прощанье: "Возвращайся скорее. Я буду тебя ждать!"

Начальник геодезической партии Крылов, встречавший его в аэропорту, был тоже поражен — Красносельцев прилетел абсолютно трезвый!

Красносельцев с ходу взялся за подготовку к выезду. Ребята откопали сарай, где стоял вездеход: пришлось повозиться пару дней — сарай был замечен по самую крышу. Потом подвергли строгой ревизии саму машину: все ли на месте, как работает двигатель, печка. Дорога предстояла длинная, а мало ли что может случиться в пути. На лесопилке за бутылку у мужиков приобрели два трехметровых бревна на самовытаскиватель, для этой же цели взяли со склада четырехметровый репер-трубу. На лесопилке из обрезков сухих бревен приготовили запас дров и загрузили в салон вездехода. Заправили машину и бочки бензином и в ожидании Красносельцева пропадали в общежитии у сейсмиков, проводя время за игрой в карты. Но им, по-видимому, не очень везло — вечером они приходили с красными опухшими ушами.

В магазине геологов Борис Петрович закупил продукты из расчета на месяц, а на складе базы получил тушенку и сухари. Вместе с начальником партии Красносельцев наметил маршрут движения и места выброски бензина. Он не впервые приехал на Север и прекрасно знал нормы расхода горючего, но все же позвал водителей и показал им свои расчеты. Ребята внимательно все посмотрели и согласились.

Когда Крылов полетел развезить горючее, Борис Петрович увязался с ним. "Уж лучше я день помучаюсь, поболтаюсь в вертолете, зато буду знать, где у нас что. Как говорят мудрые: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Да заодно посмотрю, что там за рельеф", — рассуждал он, устраиваясь поудобнее у иллюминатора.

Внизу на многие километры расстилалась тундра, белая-белая, плоская, как огромная тарелка, даже глазу не за что зацепиться. Овраги, ручейки и речушки были

забиты снегом, и лишь сероватая ниточка чахлах кустарников показывала их контур. Берега озер тоже еле-еле угадывались.

Вертолет, слегка накренившись, начал забирать к востоку, к реке Таз, которую можно было опознать по темнеющему береговому лесу. После первой посадки, место которой Красносельцев нанес на свою карту, вертолет полетел вдоль реки, которая будто металась из сторону в сторону, вертя замысловатые петли.

Пилоты были опытные, четко выходили к намеченной точке и сразу шли на посадку. Едва только вертолет касался колесами снега, бортмеханик открывал дверь, и Красносельцев с начальником партии быстро выбрасывали бочки с бензином, следом выпрыгивали сами и, поставив бочки на попа, крышками вверх, чтобы не вылилось горючее, взбирались обратно в машину.

Вертолет, взвихрив мириады крупинки снега, медленно и величаво поднимался из этого белого хаоса. Достигнув уровня, когда воздушные потоки не доставали до земли и открывалась полная видимость, вертолет на мгновение замирал, словно раздумывая, куда следовать, слегка наклонялся вперед и, постепенно набирая высоту и скорость, шел дальше.

В этот вечер Борис Петрович долго не мог уснуть. В голове надоедливо гудело, словно повторяя гул Ми-8. Да, тяжело с непривычки. И что самое обидное, гул этот мешал сосредоточиться, забивал все мысли. А подумать, поразмышлять было о чем. И о предстоящей дороге, которая сулила месяц неприятных неожиданностей: все-таки начало весны, снег липкий, много не проедешь по целине, да и на реке уже видны пятна наледи; и о рабочем Ахматуллине, который тоже должен ехать с ними, но последние дни неважно себя чувствует, уже два дня с температурой лежит; и о Вере думал Борис Петрович.

Что побудило ее взять над ним, как она выразилась, шефство? Прихоть? Или далеко идущие планы? Может быть, она ему готовит своеобразную ловушку?

Второй день они находились в обратном пути. Первую ночь провели в машине. Палатку решили не ставить. Не раздеваясь, залезли в спальные мешки, а через четыре часа были уже на ногах. Не давал спать мороз — хоть и небольшой, всего-то десять градусов, но все же мороз.

Ахматуллин, укрывшись от ветерка за машиной, приготовил на паяльной лампе завтрак: макароны по-флотски и чай. Все ели без аппетита, но заправлялись плотно — решили на обед не останавливаться, обойтись сухим пайком и тянуть до вечера.

Красносельцев еще раз, для контроля, опознался, и вездеход мягко тронулся с места. Виноградов с Ахматуллиным устроились с ружьями наверху, на настиле, где были закреплены бочки с бензином, печка и часть дров. Они взгромоздились туда, надеясь заметить, как вспорхнет где-нибудь стайка куропаток, и изредка перебрасывались словами. Разговаривать мешал вой вентилятора. Борис Петрович время от времени брал в руки планшетку и сверял местность с картой, определяя местоположение. "А где сейчас Вера, чем занимается? Наверное, пошла на занятия. — Он взглянул на часы — половина седьмого. — Да она спит еще. Интересно, думает обо мне или нет? Сказала, что будет ждать. А зачем я ей? Я уже старый, больной... Да и что я ей могу дать? Работу свою не брошу, пусть и не надеется. А жить полгода вместе, а полгода врозь... Сумеет ли она жить такой жизнью? Не каждая женщина это вынесет. Вот Вика не смогла. Эх, Вика, Вика! Что же ты наделала? И счастлива ли ты теперь?" Воспоминания о бывшей жене вновь причинили боль, сердце так заколотило, что он даже

заскрипел зубами. Колька Верхотуров покосился на него, но промолчал. Он внимательно смотрел вперед и думал свою думу.

Пятый год Колька работает в этой экспедиции. Раньше успел год поработать в колхозе на тракторе, потом армия, где и получил специальность шофера и механика-водителя. После службы он с друзьями-товарищами махнул на КамАЗ, проработал там полтора года и вернулся домой. Но и дома ему очень скоро стало скучно. Молодежь вся из деревни подалась в город. Родители пачали на него наседать — женись да женись. А на ком жениться-то? В их деревне только две девки оказались не замужем, а парней шесть человек выются возле них, да из соседних деревень такие же претенденты в мужья частенько подкатывают. Оказывается, там тоже напряженка с невестами.

Как-то по весне, будучи в райцентре, он зашел в райком комсомола узнать, нет ли путевки на БАМ. Секретарь, к которому он попал на прием, начал читать ему лекцию о том, что сельскому хозяйству тоже нужны молодые, грамотные кадры, что механизатор основа и опора села, а в деревнях молодежи почти не осталось. Колька пообещал ему, что, как только найдет свою половину, сразу вернется в родную деревню.

Секретарь куда-то долго звонил, что-то выяснял и предложил поехать в Сибирь, в славный город Тобольск, на строительство нефтехимического комбината. Он красочно расписал ему, как там хорошо: стройка эта в три раза крупнее КамАЗа, молодежь едет туда со всех уголков Советского Союза, и Колькины поиски невесты наверняка окажутся успешными.

В группе, которую сформировал обком комсомола, людей строительных специальностей оказалось меньше

трети, остальные — механизаторы. В Тобольске, в стройуправлении, очень удивились прибытию ударного строительного отряда. Оказывается, стройка была пока что на бумаге, их так рано никто не ждал, и механизаторы еще долго не понадобятся.

Кем только Кольке не пришлось быть: и лесорубом, когда готовили новые площадки под строительство новых домов, и бетонщиком, когда заливали фундаменты под первые общежития, и строить "малый БАМ", как шутя называл начальник участка подкрановые пути. И все это за такие копейки, что даже на курево еле хватало.

Когда пришла первая партия "КрАЗов", Кольке, как говорится, при раздаче не досталось. "МАЗ" тоже "проехал" мимо него. Как-то в кафе "Новинка" за кружкой пива он разговорился с ребятами в энцефалитках. Те и сказали ему, что в экспедицию принимают шоферов, у которых есть права трактористов, и что ему, с его корочками механика-водителя, будет оказан радушный прием, возможно, без духового оркестра, цветов и пламенных речей, но койку в общежитии дадут. И он без сожаления расстался со стройкой.

Пятый год он в экспедиции и пятый год на Севере. Сначала, первые два года, работа на ГАЗ-47, а потом, когда их списали, пришли новые вездеходы — болотоходы ГАЗ-71. Технику Колька любил, и в экспедиции он прижился. За своей машиной следил даже больше, чем за собой, поэтому та никогда не отказывала. А это было большим достоинством в глазах бригады, так как от машины, от ее безотказной работы, напрямую зависела зарплата — чем меньше простоев, тем больше денег. Через пару лет он знал почти все хитрости езды по тундре, за что получил кличку "Ас".

По весне каждый из техников-топографов старался заполучить Кольку Верхотурова в свою бригаду. А Коль-

ка не кочевряжился, работал там, куда его определяло руководство экспедиции. Этой его безотказностью пользовался Бодров, и потому Колька раньше всех выезжал на полевые работы и позже всех возвращался на зимнюю базу.

Как раскат грома, ударили по ушам звуки выстрелов. Красносельцев испуганно вздрогнул и оглянулся в поисках объекта охоты. Справа по курсу, метрах в пятидесяти, стая куропаток медленно опускалась в заросли тальника, оставив на белом снегу пару собратьев, попавших под выстрелы. Колька плавно притормозил. Ахматуллин спрыгнул с машины и подобрал убитых птиц.

У тальников Верхотуров опять сбавил скорость. Вновь один за другим, отдавая болью в ушах, прогремели выстрелы. Одна из куропаток даже не взлетела, другая уже на взлете завалилась на крыло и, упав на наст, закувыркалась, оставляя на снегу перья и капельки крови. Виноградов подбежал к ней и, схватив за голову, резко встряхнул. Куропатка дернулась и затихла.

— Ну что, мужики, может, чайку согреем, а? — спросил Красносельцев. — Время-то обеденное. Давай, Витька, доставай чайник, — обратился он к Виноградову. Тот забросил птиц на наст и полез в салон машины. Оттуда полетели на снег чайник, паяльная лампа и таганок. Ахматуллин, держась за правый бок, медленно подошел к машине.

— Что-то, Петрович, не ладно со мной. В бок стреляет, мочи нет идти. Я маленько полежу. — Он полез в салон устраивать себе лежанку, и лицо его скривила гримаса боли.

Сердито загудела паяльная лампа. Витька бросил в чайник пару пригоршней снега и, подождав, пока тот растает, довел воду до кипения. Потом набил чайник

доверху снегом и поставил его на таганок. Чайник у Красносельцева был знаменитый. Эмалированный и, что самое главное, емкостью восемь литров. Бросив туда маленькую пачку заварки и добавив банку сгущенного молока, Витька разлил чай по кружкам. Нарезав крупными кусками хлеб и масло, вскрыв банку с сосисочным фаршем, он пригласил всех к столу. Учитывая состояние Ахматулина, ему подали еду в салон.

— Так, ребяташки. Километра через два надо выбираться из речки на водораздел. Река там поворачивает вправо, и нам нет смысла ехать вдоль нее. Напрямую, если мы срежем эту петлю, примерно километров двадцать будет, а по реке все пятьдесят. Вот здесь я выбросил бочки с бензином, так что нам к ночи надо там оказаться. Заправимся и с утра пораньше дальше двинем... — Борис Петрович, расстелив на носу "семьдесят первого" карту, водил по ней пальцем, показывал маршрут Виноградову с Верхотуровым, которые стояли у него за спиной.

Красносельцев взял ружье Ахматулина и устроился наверху вместе с Верхотуровым, за рычаги теперь уселся Витька. Не проехали они и пяти километров, как раздался гудок — это Ахматулин просил остановиться.

— Что случилось? — Красносельцев опустил на крышку двигателя и открыл брезентовый клапан в салоне.

— Плохо мне, Петрович. Лихорадит всего, и живот режет. Так плохо еще никогда не было. Маленько, может, постоим?!

— У тебя аппендицит вырезан?

— Нет. Ты думаешь, это аппендицит?

— А что еще может быть? Если бы что нехорошее съел, то и нам бы худо было. С одного же котелка едим. У вас как с животами? — спросил Красносельцев у шоферов. Те недоуменно пожали плечами.

— Сильно болит? — обратился он к Ахматуллину.

— Как когтями кто скребет.

— Что, мужики, делать будем? Дело, видимо, серьезное. Достань-ка, Николай, мне планшетку. Я взгляну на карту. Тут где-то на реке есть подбаза буровиков. Надо туда добираться. У них надежная связь, да и вертолеты частенько летают. — Красносельцев вытащил из планшетки карту, посмотрел и взял следующую. — Та-ак. Далековато до нее... Это мы часов через пять-шесть там будем, если все нормально.

— Слушай, дружище! — обратился он к Ахматуллину. — Ты потерпи маленько. Доедем до подбазы и вызовем санрейс. Ты, Виктор, залазь в салон, в случае чего — сигнал. Николай, поедем так: сначала по реке километров двадцать, а потом пойдем по протоке еще километров семь. Только бы мимо не проскочить.

Через пять с половиной часов "семьдесят первый" остановился в небольшом вагон-городке, у балка, над крышей которого торчала антенна радиостанции. Это была подбаза Заполярной нефтеразведочной экспедиции.

— Приветствую вас. Кто тут старший?

— Здорово, коль не шутишь. А старший я — Пуртов Николай Иванович. А вы кто будете?

— Мы — топографы. Я — Красносельцев Борис Петрович, инженер-геодезист. У нас неприятность, товарищ один заболел, с животом мается. Как бы санитарную авиацию вызвать? У вас ведь связь постоянная?

Красносельцев с Пуртовым стояли возле радиста до тех пор, пока тот не докричался до базы и не вызвал санрейс.

— Николай Иванович, вы нас на ночку приютите?

— Какой разговор. Конечно, ночуйте. Места всем хватит. У нас сейчас три балка пустуют. Так что распо-

лагайтесь. Пойди покажи, — велел Пуртов молодому парню, что сидел рядом с радистом.

К ночи поднялся несильный ветер, пошел мелкий снег. Буровая, которая светилась огнями километрах в пятнадцати от подбазы, исчезла из виду. Часа через три послышался звук приближающегося вертолета. Все обрадовались, вскочили, забегали. Молодцы все-таки пилоты полярной авиации! Ну как им не сказать спасибо? В любую метель, в любой мороз, ночью и днем они готовы прийти на помощь.

Утром, дозаправив вездеход, они расстались с гостеприимными хозяевами. К обеду были на первой контрольной точке. После краткой передышки продолжили свой путь. Река стала немного уже, а берега обрывистее. Тальник здесь рос повыше и потолще, а по склонам, в длинных лощинах, появились густые заросли ивы и ольхи вперемежку с лиственницей.

Влево — вправо, вправо — влево. Река выписывала порой такие замысловатые петли, что проще было взобраться наверх и пересечь их по водоразделу: на спуск и подъем уходило гораздо меньше времени, нежели ехать рекою. Бывало так: петля длиной четыре километра, а перешеек всего метров триста.

Витька Виноградов, убаюканный мягким ходом машины, по привычке дергал за рычаги. Он подался в Сибирь, как говорится, за "длинным рублем". И вот уже третий год он в Сибири, а денег все нет. Все его планы быстрого обогащения рухнули. Сменил уже организаций пять, но "теплого" места найти не смог. Чтобы хорошо получать, везде нужно очень много работать, а Витьке это не нравилось. В одной шарашке ему слегка улыбнулось счастье, вроде бы он неплохо устроился: новая машина, возил снабженца. Работы почти никакой: привез — стой жди или увези тому то, а другому это. Да и

платили прилично, другим шоферам за такие деньги приходилось горбатиться сутками. А потом, когда снабженец по пьяному делу сел за руль и свалился под обрыв, аварию приписали Витьке. Мол, машина была неисправна, вот и не справился человек с управлением. Витька возмутился и пошел по кабинетам искать правду. Исписал воз бумаги, и в результате снабженец заплатил знную сумму за восстановление машины, а Виноградова уволили по собственному желанию... начальника.

Он попытался устроиться в другую организацию, куда срочно нужны были шофера, о чем на каждом углу кричали, просили, умоляли всевозможные объявления, но там ему пояснили, что вполне могут обойтись без него и что для его же собственной пользы ему лучше уехать из этого поселка.

Для того чтобы не забыть интересные моменты, Борис Петрович вел дневник. На одной из остановок он записал:

Сегодня 14 дней нашего пути. Позади 350 километров. Происшествий особых не было, если не считать, что заболел Ахматуллин. Палатку ставили только три раза. Морозов больших нет. Спали в машине. На ужин у нас всегда дичь — суп рисовый или макаронный с куропатками. Стаи их в этом году большие, меньше тридцати голов в стае не встречали. Ехать очень сложно. Снег днем мягкий, налипает на гусеницы, по несколько раз за день приходится "обуваться" — ставить на место спавшую гусеницу. На реке кое-где наледь. При продвижении на юг все время едем по реке: лес по берегам стал матерее, гуще, занимает более широкую полосу, а далеко в тундру нам нет смысла забираться. Опознаваться тяжело, да и наста практически нет.

Я все чаще и чаще думаю о Вере. Чем-то она меня увлекла. Чем? Этого я пока не могу понять, но в ней есть что-то неуловимое, притягивающее. Я ее постоянно сравниваю с Викой и начинаю ей отдавать предпочтение. Все решится после моего возвращения в Приреченск.

И еще одна запись:

Восемнадцать дней назад мы покинули поселок Заполярный. Проехали более пятисот километров. Сегодня утром, выглянув из палатки, я воскликнул, как тот герой, которого вели на эшафот: "Ничего себе денек начинается!" Погода такая, что из палатки страшно высунуться. Пурга. Ветерок приличный с морозом. Мы лежим в спальниках, стараясь поменьше шевелиться, чтобы не выпустить тепло.

Пуржить начало еще с вечера. Мы по светлому времени сумели поставить палатку на песчаной косе у небольшого обрыва. Отыскали в лесу сухое дерево и наготовили дров, но они у нас почти все ушли на приготовление ужина. Сварили борщ из консервов с тушенкой, гречневую кашу да какао. Готовил Колька Верхотуров.

Сейчас уже десять часов утра. Все лежат и ждут: кто же не выдержит, кого нужда погонит из теплого спального мешка на улицу, тому и печь растапливать. Не выдержал Витька. Клацая от холода зубами, он попытался юркнуть опять в спальник, но мы возмущенно загудели, и он, матерясь, растопил печь. Через тридцать минут в палатке уже была сносная температура, а спустя еще полчаса, когда дрова, весело потрескивая, накалили печь докрасна, в палатке можно было сидеть в трусах.

После сеанса радиосвязи и завтрака мы напилили, накололи побольше дров и заняли ими все свободное место в палатке. Затем опять улеглись. Я подозреваю, что погода тормознула нас дня на три. У Ахматулина действительно оказался аппендицит. Крылов сегодня сообщил, что Раис себя уже хорошо чувствует и передает нам приветы.

Борис Петрович попытался уснуть, но сон не шел, хотя эта мерзопакостная погода и располагала к тому. Он ворошил прошлое, в очередной раз стараясь понять причину Викиного ухода. Где и когда он совершил ошибку? И снова думал о Вере, пытался разобраться в своих чувствах.

На другой день ветер усилился, мороз стал крепче. Снежная крупа больно била по лицу, долго на улице не продержишься. А в палатке сидеть тоже было тягостно. Спать не хотелось, за предыдущие сутки выспались.

Верхотуров ворочался, ворочался, потом встал, набил печурку дровами и предложил потравить анекдоты. Все отказались. Тогда Колька, посмотрев, хорошо ли разгорелись дрова, опять полез в спальный мешок.

— А у нас дома уже весна, — не вытерпел он. — Грязи по колено. Молодежь постарше на околице на качелях качается, а мелкота на молодой травке барахтается... Отец, наверно, фитили чинит. К Первомаю озера вскроются, карась будет... Друзья мои деревенские сейчас трактора ремонтируют — скоро посевная... Эх, попасть бы на Первомай домой, в Ивановку. У нас там весело. Все из города домой приезжают, я имею в виду молодежь. Жаль, что девчонок маловато. А прошлым летом у нас за деревней геологи свои дырки бурили, чего-то искали. Вот было бы здорово, если бы нефть нашли. Многие бы вернулись домой. Ведь девчонкам у

нас заняться нечем. Ферма маленькая. Правда, шабашники второй год два коровника строят. Каменные... Опять-таки где корма брать? Для своей коровенки я литовкой по полянкам да меж кустами всегда припасу, а на колхозное стадо? Вот наши соседи, колхоз "Свободный труд", два года подряд урожай не убирают, а жгут.

— Как это жгут? — удивился Борис Петрович.

— А так. Их поле — четыреста гектаров, возле нашего покоса. В позапрошлом году овес осенью не успели убрать. Дожди начались... Комбайны не идут по мокрому полю, такие траншеи за собой оставляют, поболее, чем вездеходы в тундре. Колхозники видят, что пропадает хлеб, вот и предложили руками убрать, с тем, чтобы часть урожая себе оставить. Председатель не согласился, понадеялся на хорошую погоду, а весной пал пусти-ли. А в прошлом году рожь осталась зимовать... И тоже такая история.

— А ты откуда это знаешь? Ты ведь зимой в отпуск не ездил, — поинтересовался Виноградов.

— Как откуда? Отец писал. У него возле нашего покоса местечко заветное есть — тетеревиный ток. Он каждый год веснует...

— И что, все так и проходит бесследно? — поинтересовался Борис Петрович. — Никого не наказывают?

— А кого наказывать? Не председателя же. Его накажешь — значит, не только он виноват, но и районные руководители. А так — стихия. Все довольны, все смеются.

— Ну, и порядочки у вас, — возмущенно закрутил головой Витька. — За такое дело расстреливать мало.

— Ты, конечно, погорячился — расстреливать. Всех же не перестреляешь.

— Что, и в ваших краях так же? — удивленный Колька уставился на Красносельцева.

— Я не знаю сейчас как, а вот в конце пятидесятых — начале шестидесятых под видом поднятия целины распахали все солонцы и балки. А что это дало? Балки в течение двух лет в сплошную сеть оврагов превратились, а солонцы как были солонцами, так и остались. Пшеница у нас плохо растет из-за климата. У нас там то засуха, то пыльные бури. Хотя весна тоже красивая. Когда пацаном был, мы в марте — апреле сусликов ловили. Шкурки сдавали заготовителю. У нас интересный дядька работал, ездил на трехколесной машине. Может, я что-то путаю, но мне почему-то кажется, что у его машины было три колеса. Он нам привозил пистоны, глиняные свистульки. В мае начинали красноперку ловить. Я, как сейчас помню, в первом классе притворился больным для того, чтобы дома из ниток скрутить себе лесу. Вы, поди, и не представляете, что это такое. Так вот, берешь белые нитки, складываешь в четыре ряда, привязываешь, к примеру, одним концом к ручке двери, а к другому концу привязываешь крышку от кастрюли. Вращаешь в одну сторону и получаешь тоненькую бечевочку — лесу на удочку. У меня на удочке только крючок заводской был, а все остальное из подручных средств. Поплавок из кути, грузило из маленькой гаечки. В тот день я изготовил себе новую лесу. Друзья, возвращаясь из школы, рассказали мне, что они начали учить таблицу умножения: одиножды один равняется один. Я быстро выздоровел и помчался на пруд, возле которого был и наш огород. Мать удивилась моему скорому выздоровлению, но грядки поливать не заставила. И вот в тот день я добыл свою первую крупную рыбу — красноперку, граммов, я так сейчас оцениваю, на пятьсот. Сколько было радости. Да, детство было интересным. И с каждым годом в моей памяти оно мне все ближе.

— А у нас летом хорошо, — Витька поставил на печь чайник, — и ранней осенью. Мы любили по садам

лазить. Лупили нас за это крапивой и за уши драли, но все равно у соседей яблоки и груши казались лучше, чем в своем саду. Один дед как-то больно мне наподдавал. Я его поздно заметил. Только я большую ветку с яблоками сломил, а он меня тут как раз и сцапал. Но хорошо хоть отцу не пожаловался, а то бы еще и дома влетело.

— Так зачем ты ветки ломал? Мы и арбузы на бахче воровали, и по садам да виноградникам лазили, но никогда не пакостили. Нам тоже доставалось и по ушам, и по заднице, но мы даже виноград ножичком срезали. Заточишь на наждаке кусок ножовочного полотна по металлу, вот и ножик готов. Что-то мы незаметно о вкусных вещах заговорили, давайте-ка хоть чайку попьем, — предложил Борис Петрович.

Поев каши и залив ее сверху парой кружек горячего чая, они продолжили беседу.

Так за разговорами пролетел очередной день.

Пурга утихла ночью. Борис Петрович проснулся и прислушался — тишина. Быстро оделся и вышел из палатки. Заструги, которые надул ветер, четко выделялись своей белизной на старом сером снегу. Небо было пронзительно-чистым. Мороз приятно пощипывал скулы и кончики ушей. Градусов двадцать пять, определил Красносельцев. Он взял охапку поленьев и занес в палатку, настрогав щепочек, сложил их в печи чумиком и поднес спичку. Спичка погасла, щепки не загорелись. Порывшись в карманах, он достал клочок газеты, и через несколько минут, выплюнув в палатку несколько порций дыма, печка весело загудела.

— Эй, мужики! Вставайте, пора в путь-дорогу. Давайте умывайтесь, грейте кашу, а я пока поднимусь на тот берег, посмотрю, где мы есть.

Он взял планшетку и бинокль, подумав, прихватил ружье, встал на лыжи и ушел.

Позднее Борис Петрович так описывал этот день в своем дневничке.

На реке наледь. Гусеницы с трудом месят крошево из снега, льда и воды. Один раз вляпались в такой своеобразный слоеный пирог — снег (наст)-лед-пустота-лед-вода-лед-вода, — что потратили массу времени, чтобы выбраться из него. Река становится негостеприимной, и я принял решение покинуть русло и продолжить маршрут по водоразделу, лишь по необходимости пересекая небольшие речушки и ручьи.

Вырвавшись из леса, вездеход весело покатил по тундре. С утра был наст, поэтому и путь оказался гладкий. Но чем сильнее припекало солнце, тем чаще и чаще под гусеницами машины наст обваливался с громким шумом, иногда целыми полями. В это время у тебя не очень приятное чувство — какая-то непонятная, тягучая дрожь в коленках и чувство пустоты в низу живота. Так и катили мы, пока не угодили в ловушку.

Очередное снежное поле с гулом рухнуло, и наш вездеход оказался на воде. Откуда вода? Мы обошли вокруг машины, потыкав ломом возле гусянок, обнаружили нетолстый лед, а под ним глубину в шесть метров. Что за чудо природы? На карте-«сотке» в этом месте не показано ни речки, ни озера. Географическая загадка.

Делать нечего — надо выручать машину. Для начала запустили бревно-самовытаскиватель, сняв его с машины. Взревев мотором, вздрогнув всем корпусом, вездеход судорожно, с большим трудом затащил это бревно себе под брюхо, и мы даже не успели хлопнуть глазами, с треском переломил его о свой форкоп.

Ругаясь, мы освободили цепи самовытаскивателя от остатков бревна и сняли с настила другое. Продвинувшись на пару метров вперед, вездеход устроил нам ту же пакость, сломав и это бревно.

Обсудив создавшееся положение за кружкой чая, который Виноградов между делом заварил в сторонке, вооружившись топорами, мы пошли в ближайший лесок, темневший в километре, за новым бревном.

Походив по лесочку, выбрали подходящую лиственницу и, сменяя друг друга, срубили ее. Затем отделили часть и понесли к машине. Что это был за поход, представьте себе сами: один человек идет впереди, прокладывая лыжню, двое несут лесину. Снег липнет к лыжам, на тундре кочки. Через пятнадцать — двадцать минут требуется остановка для отдыха.

Но и это бревно не спасло нашу машину. Пришлось снимать одну гусеницу, с трудом оттащив ее на безопасное расстояние от полыньи и, забив торсион в мерзлую землю в десяти метрах от машины, используя вешущую звездочку ходовой части, как лебедку, с помощью троса выбираться из ловушки. С третьей попытки нам все же удалось это сделать. Поставив гусеницу на место и загрузив машину, мы тут же устроились спать.

В полудреме Борис Петрович мысленно вернулся в Приреченск, к своим встречам с Верой. Ему вспомнились их разговоры, ее мягкая улыбка. Он поймал себя на том, что с каждым разом все восхищеннее думает о ней.

Перебирая в памяти их немногочисленные встречи и разговоры, он пришел к выводу, что они не прошли даром. Засыпая, он решил: если Вера будет согласна, он свою оставшуюся жизнь посвятит ей.

КОРОЛЬ ЧУСКАНА

Абдулхай

После ужина и ароматного крепкого чая мы занялись каждый своим делом. Один из рабочих, Михаил, готовил еду на утро, другой, Виктор, чинил порвавшееся лыжное крепление. Хотя уже была середина февраля, а настом, как говорится, и не пахло. Снег очень рыхлый, ходить тяжело, заводские крепления не выдерживают, вот поэтому Виктор вместо кожаных ремней пытался приспособить полосы, нарезанные из старой транспортерной ленты.

Мы с товарищем обрабатывали полевые материалы: отбирали нужные аэрофотоснимки, обсчитывали нивелирные и теодолитные хода. Наш механик-водитель Коля Иванов ушел в библиотеку за книгами.

Чебурга. Сотня домов, скученных на бугре. Кругом болота да озера. Есть магазин, почта, взлетно-посадочная полоса для Ан-2, небольшой клуб. А библиотека в этом клубе просто великолепная — классика, современная советская, зарубежная и национальная (на татарском языке) литература.

Кто-то постучал к нам в дверь.

— Войдите, — отозвались мы.

В клубах морозного пара появился человек невысокого роста.

— Здравствуйте, ребята. — Он нерешительно топтался у двери, не решаясь проходить дальше в комнату. — Я ваш сосед, Абдулхай. Пришел вот познакомиться.

— Ну, что ж, сосед, проходи. Чего в дверях стоишь?

Мы с трудом понимали его — он плохо говорил по-русски.

— Откуда вы, ребята?

Мы ответили.

— А к нам сюда зачем? Нефть искать?

— Нет, отец, — ответил я (на вид ему было лет пятьдесят), — мы не геологи, мы нефть не ищем.

— Плохо, что вы нефть не ищете.

— Почему? — удивились мы.

— Да у нас в деревне работы нет. Летом скот пасем, что с центральной усадьбы колхоза к нам на откорм пригоняют, сено косим. Зимой вот лес валим, дрова готовим, избы, стайки рубим. Народу много, а работы мало. А вы что ищете?

— Топографы мы — землю меряем, карты чертим. У вас скоро всем работа будет, когда Иртыш в Среднюю Азию повернут.

— Мне-то работа уже не нужна, мне пенсию платят. Правда, иногда я работаю, стайки рублю, когда колхоз просит помочь. А так все дома занимаюсь, по хозяйству.

Через несколько дней сосед пришел поздравить нас с праздником. Был день Советской Армии. Хотя это и не красная дата, но мы решили отдохнуть. У нас ведь нет четкого расписания выходных и рабочих дней. В основном, все зависит от погоды. В этот день мы истопили баню, попарились и только что уселись за праздничный стол, который кроме дежурных блюд — борща и жареной картошки украшали салат из квашеной капусты и соленые грибы. Нашлось и то, чем все это великолепие запить.

Мы завели с Абдулхаем разговор об охоте и рыбалке. Он рассказал, что в окрестных озерах ловят карася, как для себя, так и для рыбозавода. Потом поинтересовался:

— Свежих следов не видели?

— Каких следов?

— Лося. Может, ходит где неподалеку? А то у меня лицензия пропадает.

— Да вокруг вашей деревни мертвая зона. Иногда следы горностая, колонка попадают, и те далеко от деревни. А косачей вообще еще не видели, хотя уже две недели кружим рядом с вашей деревней. И какие тут могут быть лоси, когда на каждом шагу петли стоят? Сколько мы их уже сняли.

— А в каком месте?

— Вот как ваша тропа на Старый Каишкуль идет. А в прошлом году я около Щучьего работал, что недалеко от Заводоуковска. Так мы там в петле соболя нашли, его уже черви всего распотрошили, а ловушка-то стояла в двух километрах от дороги.

— Да, лодыри везде есть. Я каждый год охочусь на лису. Ставлю капканы. Совсем недавно ходил за ней трое суток. В лесу у костра посплю немного, а с рассветом опять в погоню, пока не настиг.

— Вот видишь, ты же не бросаешь добычу, даже когда она далеко уходит.

— Нет. Однажды ходил две недели. Сначала дня четыре, потом домой вернулся — пурга была. Кончилась — опять пошел. Еле-еле нашел. А в капкан-то, оказывается, рысь попала. У нас она здесь не водится, из-под Тобольска пришла. Долго я с нею мучился. Даже страшно было, а стрелять жалко, шкуру испорчу. С большим трудом удалось на нее петлю набросить и удавить.

— Ну, ладно, ты капканами охотишься, а другие?

— За других и говорить не хочется. Молодежь все. Стариков не слушают. Делать им нечего, вот они с ружьями и шастают по лесу и зимой, и летом. Совсем плохо стало.

Долго мы в тот раз говорили с бывалым охотником Абдулхаем. Много было услышали охотничьих баек. Советовал он на то, что некому учить молодых охотников, а надо. Ох, как надо!

Доверие

Я иду по красной степи, красной от тюльпанов. Даже воздух кажется красным. Я иду и радуюсь тюльпанам, запаху чабреца, стрекоту кузнечиков.

Откуда-то издалека доносится топот копыт. Оборачиваюсь и вижу табун лошадей, который мчится в мою сторону с ужаснейшей быстротой. Другие звуки куда-то пропали. Слышен только тревожный стук сердца да топот копыт. А кони все ближе и ближе. Клубы пыли — в лучах солнца кроваво-красные — висят в воздухе, медленно поднимаясь ввысь. Куда, куда спрятаться? В этой огромной степи только я и кони, которые сейчас собьют меня с ног и затопчут. Что делать? Что? Я уже слышу их горячее дыхание и вижу оскаленные, с пеной на губах, блестяще-гладкие морды. Упав на землю, я от бессилия кричу: "А-а-а-а!"

Тишина. Гулко стучит сердце. Грудная клетка, кажется, вот-вот разорвется на части. Открываю глаза и сознаю, что это был всего лишь сон. Но топот все же есть. Пытаюсь понять, что это за звуки. Я поднимаю голову — сквозь ткань палатки вижу тень небольшой птички. Так вот кто мешает мне спать — пеночка.

Август. В Заполярье начинается осень. Листья у полярной березки становятся багрово-красными, брусника кровавыми капельками застыла на желтовато-зеленых шапках кочек. Все чаще и чаще идут дожди. Солнце уже заходит за горизонт. Ночью прохладно, а утром на согретую первыми лучами солнца крышу палатки опускаются комары. Вот пеночка и прилетает спозаранку собирать их. Она бегаёт по туго натянутой крыше, а в палат-

ке стоит такой грохот, будто бы рядом гонят табун лошадей.

Однажды, когда мы в ожидании вертолета собрали вещи и, накрыв их брезентом, улеглись сверху, пеночка прилетела вновь. Она деловито бегала по брезенту и очень ловко склевывала комаров. Мы с интересом наблюдали за ней. Бегала она по брезенту, бегала, а потом вдруг вскочила мне на ногу. Остановилась, посмотрела искоса на меня одним глазом и вновь принялась клевать комаров.

Я лежал не шелохнувшись, боясь неосторожным движением спугнуть пеночку. Сердце охватило щемящей болью. "Спасибо тебе, Птица! Спасибо за доверие! Ты недавно родилась здесь, в тундре, недавно научилась летать, и для тебя человек такой же зверь, как олень или лемминг. Ты еще не научилась быть осторожной и не знаешь, какую опасность таит в себе человек".

В памяти всплыл случай, который произошел со мною прошлым летом и остался зарубкой на сердце.

Как-то вечером мы сидели у костра, пили чай и рассказывали охотничьи байки. Вдруг из кустов показался олень, он шел в нашу сторону, наклонив к земле голову, увенчанную мощными рогами. Я схватил ружье и выстрелил. Олень упал. "Зачем убил, — спросил меня один из рабочих. — У нас вон тушенки полмешка. А с него какой сейчас толк? Одни мослы, кожа да кости..." — "А пусть не лезет..." — вместо меня ответил ему другой.

Я молча стоял тогда над оленем и мысленно просил у него прощения. Вспомнились рассказы старших товарищей, которым раньше не очень-то верил, что, мол, когда много комаров и мошки, олени идут к людям, на дым, к костру. В тот раз я дал себе зарок — попусту никогда не стрелять.

То бессмысленное убийство, именно убийство, другим словом тот поступок назвать нельзя, тяготило меня,

висело надо мной, как проклятье. Я считал себя хуже зверя, ибо зверь убивает другого для того, чтобы продлить себе жизнь, а ради чего убил я?

Я смотрел на пеночку, как на чудо. "Спасибо тебе, Птица! Спасибо за доверие. Ты излечила мою душу. Спасибо!"

Встреча у озера

Начало июля. Буйство зелени. Над лугами такой аромат, что хочется взлететь в небо и зазвенеть жаворонком. В лесу один запах перебивает другой, как бы призывая: "Сюда, сюда, ко мне!" Выхожу на небольшую гривку, поросшую могучими соснами, и кажется, что легкие не выдержат этого терпкого воздуха, напоенного распаренной хвоей. А то вдруг пахнет из какой-нибудь западинки тягуче-медвяным запахом лабазника. Эх, что там говорить! Разве можно всю прелесть леса, все его запахи передать словами.

В это время на Иткуле хорошо ловится карась. Но слово "ловится" даже не подходит к такой ситуации — местные жители прямо-таки черпают его. У каждого из них стоит три-четыре фитиля, да в воскресный день чуть ли не каждый сеть забрасывает.

Пока сами рыбаки выкашивают прибрежные луговины, карась набивается и в сети, и в фитили. И какой карась! Белый — матово-серебристый, размером поболее доброй мужской ладони будет, а желтый — бронзово-золотистый, маленько поменьше. А какая из них уха! Пальчики оближешь!

Бригада топографов, в которую я приехал, стояла лагерем метрах в трехстах от озера, на взгорке. Ребята

попросили у кого-то пару фитилей и тоже рыбачили. В день моего приезда они добыли полное ведро карася и накормили меня ухой и жареной рыбой. А на следующий день я сам, чтобы ублажить свою рыболовную страсть, вызвался проверять ловушки. Со мной пошел один из рабочих, дежурный по лагерю, а остальные отправились на съемку.

Из первого фитиля мы взяли с десятков карасей, а во втором, когда мы подняли его над водой, сиротливо затрепыхался, как осенний листочек на ветру, маленький карасик.

— Долго спали, — сказал Миша.

— Почему долго? — не понял я.

— А потому, что кто-то до нас успел посмотреть наши ловушки.

На причале, изготовленном из трех берез, укрепленных на кольях, так как берега очень топкие, мы вытащили свою надувную лодку и стали собирать в мешок рыбу.

— Тара неподходящая, — посмеялся я, — надо было с ведром идти, а то и с кастрюлей.

В это время к нам подошел пожилой мужчина с рюкзаком за плечами и, поздоровавшись, поинтересовался нашим уловом.

— Какой там улов, — я показал добычу, — коту на завтрак.

— По-моему, наши фитили проверить раньше нас успели, — вступил в разговор Миша.

— Мальцы, видимо, — сказал наш собеседник и указал рукой вдоль берега: — Смотрите, вон они лазят.

— Где? — спросили мы одновременно, пытаясь увидеть ребятяшек.

— Да вон они, у лодок...

Теперь и я увидел несколько фигурок, копошившихся среди кустов у лодок-долбленок, примерно в километре от нас.

Мужчина отомкнул замок на лодочной цепи, из рюкзака достал короткое весло и, наполовину столкнув долбленку в озеро, присел к нам на поваленную березку покурить.

— От ребятишек сейчас житья не стало. Фитили воруют, лодки угоняют, а попробуй найди потом. Всю жизнь я прожил в этом крае, но раньше такого не было. Баловался иногда кто-то, но очень редко. Было у нас заведено так — пока парень не женился, на озере ему делать нечего. С отцом там или с дедом, это другой разговор. А вот чтобы сам ловил — такого не было. Да, раньше все решало общество рыболовов. А сейчас стариков не слушают, никого не боятся — ни властей, ни Аллаха. И пришлых на озере стало много, теперь до райцентра два часа езды машиной. Есть вот пока карась, ловим... А что дальше будет — не знаю. — Он аккуратно затоптал окурок и, кивнув нам на прощанье, уплыл.

Шапка из лебеда

Июль пылал зноем. От солнца не было спасения ни днем, ни ночью. Да в придачу к этой жаре появились полчища гнуса. От комара хоть как-то спасает "Дэта", а мошка, кроме дегтя, ничего не боится. Лица наши опухли, глаза заплаыли, превратившись в узкие щелочки, уши запылали дивными розами, а в сердца закралась тоска по городской квартире. И через несколько дней нам уже все опостылело: и мошка, и комары, и палящее немилосердное солнце, и тяжелый дух

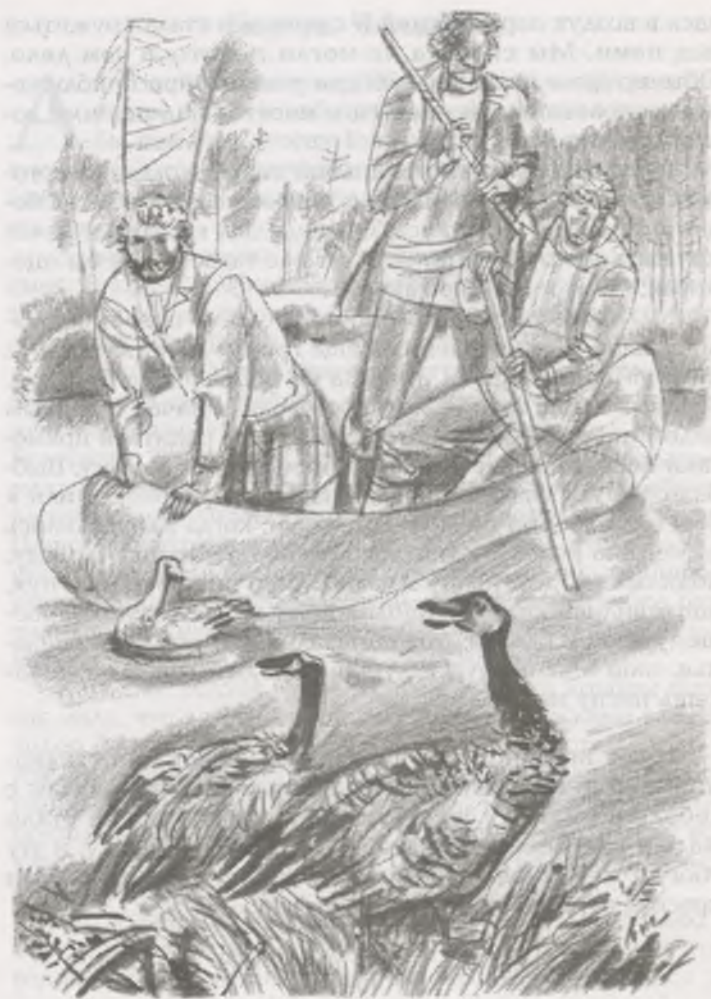
сфагновых болот, словом, эта дикая северная природа. Но прошла неделя, другая, и работа захватила нас.

От пункта к пункту, от репера к реперу тянули мы нивелирный ход. От одной палатки до другой лежал наш путь. Пройден намеченный маршрут, и вертолет перебрасывает нас на другой, предварительно выгрузив по намеченным точкам наши палатки.

Прежде чем приступить к работе, мы разворачиваем лагерь. Ставим палатку и антенну радиостанции, сделанную из двух связанных хореев. Готовим спальные места и отправляемся исследовать окрестности. Дело в том, что стоянку мы определяем заранее по топографической карте, стараясь привязать ее к ближайшему к реперу озеру или речке, чтобы можно было поблеснить щук, а то и сеть забросить на щекура и сырка.

В этот раз мы расположились у пункта триангуляции, что километрах в двух от речки Нгаркалымпараси, принимая во внимание, что в ее пойме есть несколько крупных озер-стариц. Притащив резиновую лодку и накачав ее, мы быстро поставили небольшую сеть — "со-роковку". Потом пошли бродить вдоль берега речушки в надежде обнаружить что-либо примечательное. Ведь на Ямале я сколько раз на берегах таких речушек находил кости мамонтов. Зуб мамонтенка с одной из таких речек передал я в музей Приреченского университета. Но речка была как речка — таких речушек много на Тазовском полуострове, мелкая, извилистая, с заросшими ивняком берегами. Вечером, перед тем, как пойти на работу, мы проверили сеть. Пусто. Удача нас пока не посетила.

Пройдя за трое суток наш маршрут, мы вернулись в основной лагерь. Сутки поспали, а затем пошли снимать сеть, ведь завтра перелетать на новое место. Накачав лодку, мы поплыли к середине озера, с которого подня-

лась в воздух пара лебедей и с криками стала кружиться над нами. Мы сначала не могли понять, в чем дело. Обычно даже на Севере лебеди улетают при приближении человека, а эти носятся и носятся над нашими головами.

И тут мы увидели маленький серый комочек, который, теряясь меж волнами, с писком плыл к нам. Лебеденок! Мы остановились. Он подплыл к лодке и начал кружить вокруг, хитро кося на нас глазом, как бы оценивая: "А это что еще такое?"

Мы тоже с интересом посмотрели на него и поплыли дальше. Птенец запищал еще громче и устремился за нами. Мы подождали и, когда он добрался до бортика, взяли его в лодку. Лебеденок умолк и начал с гордым видом оглядываться по сторонам. А его родители прямо-таки бесновались: с криками пикировали на лодку. Выбрав сеть, мы посадили нашего пассажира и заспешили к берегу. Лодку он не смог догнать, и, когда мы удалились от него на полсотни метров, лебеди опустились на воду, подплыли к детенышу и, заботливо опирая его пух, направились к противоположному берегу, густо заросшему ивой и ольхой. Мы помахали ему вслед: "До свиданья, наш юный друг! Слушайся родителей, а то попадешь песцу на обед".

И вот недавно, в Приреченске, увидев на незнакомой женщине шапку из лебеда, я вспомнил случай с лебеденком, его детскую доверчивость, и мне стало жаль и того лебеда, который превратился в шапку, и эту убогую женщину, которая не понимает, что загубленная красота отнюдь ее не украшает.

Король Чиликана

Анатолий Михайлович Харьковский сидел ранним утром в своем кабинете и размышлял о том, как бы помочь Семену Бухтоярову, который сегодня в утренний сеанс радиосвязи сообщил, что рыба пошла. Он начал ловить, а вот затаривать ее у него нет ни сил, ни времени.

За окном поднималось хмурое утро. Сыпал мелкий снег. В коридоре конторы загремела дверцами печей тетя Шура. Заглянув в кабинет, поинтересовалась, есть ли вода в графине.

У Анатолия Михайловича настроение было такое же хмурое, как сегодняшнее утро. Вчера он имел неприятный разговор с первым секретарем райкома партии Болтовым. Тот, не поздоровавшись, сразу начал орать о малых удоях, о слабой дисциплине, о том, что обком партии с него спрашивает в первую очередь за молоко. На робкое возражение Харьковского о том, что колхоз у него рыболовецкий и рыбколхозсоюз с него спрашивает выполнение плана рыбодобычи, телефонная трубка разразилась таким визгом, что Анатолий Михайлович невольно отвел ее от уха и положил на стол.

Конечно, Болтов в чем-то прав. Молока коровы дают так мало, что в пору на дойку ходить с кружками вместо ведер. Но, скорее всего, его душили амбиции. Дело в том, что Харьковского избрали председателем колхоза вопреки воле райкома. Кандидата, рекомендованного Болтовым, просто-напросто со свистом прокатили. И вот уже восемь месяцев Анатолий Михайлович ест председательский хлеб.

Лето выдалось сырое. Сено косить начали только в середине августа. Пойменные луга долго стояли под водой. Техника вязла в грязи. Харьковский обратился за

помощью к друзьям из южных районов области, но приготовленное ими сено и солому можно будет привезти только в январе, когда наморозят переправу через Иртыш, а сейчас только середина ноября.

Часам к девяти стали подходить колхозники, чтобы получить задание на день. Анатолий Михайлович вышел к ним.

— Привет, мужики. Есть проблема — у Бухтоярова пошла рыба, надо помочь ему ее затарить и отправить на рыбозавод. Но вот беда — как к нему попасть? Как перебраться через речку Черненькую? Напрягите, мужики, извилины и, если у кого появится дельное предложение, — заходите.

Он передал заявку Бухтоярова на продукты и снасти завскладом Михаилу Петровичу Пуртову и вернулся в кабинет.

Через час к нему заглянули тракторист Коля Вепрев и механик Косяк.

— Мы сегодня, Михалыч, собрались за Старицу, дрова надо привезти для школы, так мы доедем до Черненькой. Посмотрим там, что и как, ну и попробуем переправу изладить. Если Бог даст мороза, то уже завтра можно будет рискнуть на "Буранах" проехать.

После обеда Михаил Петрович, или как его все зовут — дядя Миша, личность известная далеко за пределами не только колхоза, но и района, доложил, что заявка выполнена, но на нарту следует грузить только перед выездом. На улице ведь не бросишь — собаки к продуктам доберутся, а в складе еще хуже, там крысы. Он посоветовал ехать к Бухтоярову на трех "Буранах". Если, мол, будет позволено, то поедут он и Андрей Пузин. У Андрея в тех краях ловушки расставлены, на обратном пути он их хочет проверить. Ну, а третьим будет сам Харьковский.

Анатолий Михайлович согласился и дал распоряжение заправить снегоходы да и в запас бензину налить.

На следующий день перед отъездом, наказав своему заместителю Ивану Ивановичу Дробышеву выйти в час дня на радиосвязь, а затем вести их на контроле каждые два часа, они, догрузив все, что было нужно, в десятом часу тронулись в путь. До Старицы добрались более-менее сполно, хоть какая-то, но все же дорога. По ней вывозили дрова и для школы, и для клуба, и для фельдшерского пункта, и для колхозных пужд. В конце мая всем селом выезжали на заготовку. За лето дрова высохли, и вот теперь пришло время их использовать.

Мужики вчера постарались на славу, переправа получилась добрая — вдоль речки они бревна настелили, а поперек лесин да кустов набросали, и те за ночь вмерзли в лед. Отцепив нарты, добровольцы с опаской перебрались на другую сторону. Накатав снегоходами себе дорогу до гривки, вернулись за поклажей. У Харьковского на нарте был бензин, Андрей Пузин был загружен продуктами, а дядя Миша вез рабочего Леонида Бессонова в помощники Бухтоярову.

Далее дорога пошла по гривке, заросшей сосновым бором. Раньше, еще со времен войны, здесь была кошная дорога, по которой из Заболотья вывозили рыбу и заготовки болванок для ружейных прикладов на берег Иртыша. С левой стороны у подножья гривы протекала речка Черненькая, берущая свое начало из озера Черненький Сор. Откуда пошло имя — то ли речка дала его озеру, то ли озеро речке — неведомо. Дальше неширокой полосой тянулись заросли тальника вперемежку с березой и осинкой, которые сменялись чахлой сосной.

Рев трех "Буранов" тревожил лесных обитателей и скоро поднял стайку тетеревов, которые, выпорхнув из-под снега, где они провели ночь, уселись на ближайших

деревьях. Обоз остановился, и Харьковский с дядей Мишей ударили по птицам из малокалиберных винтовок. Харьковскому удалось подстрелить косача с третьего раза, а Пуртов своего снял первым выстрелом. Сначала стреляли по птицам, сидевшим на нижних ветках, так как расположившиеся выше тетерева обращают мало внимания на падающую внизу птицу. Подобрав добычу, поехали дальше.

Прежде чем пересечь озеро Черненький Сор, Андрей продолбил пару лунок и убедился в том, что лед достаточной толщины. За озером начиналось рямовое болото. Невысокие моховые гривки заросли кривыми, чахлыми сосенками. Понижения между гривками были залиты водой, которая выступала сразу же на следу "Бурана", поэтому следующему снегоходу приходилось прокладывать себе путь рядышком.

Промаявшись пару часов с такой ездой, чуть не вывихнув себе руки, отряд остановился на перекур.

— Вон лес темнеет, Михалыч, видишь? — дядя Миша объяснял путь Харьковскому, который никогда не был в тех краях. — Вот там Чиликанка и есть. Пересекем рям, а там по-над рекой тоже дорога есть. Скоро будем на месте.

Семен Бухтояров, радостно улыбаясь, поспешил навстречу каравану. Безошибочно определив среди прибывших начальство, он, довольный собой, произнес:

— Здорово, председатель! Вот, оказывается, ты какой! За восемь лет, что я работаю в этом колхозе, ты первый председатель, который сам приехал сюда, в Заболотье. Правда, те двое, что перед тобой правили, были залетные, приплыв, одним словом. Последний вообще год у власти побыл. А что это я вас на морозе держу? Мужики, здорово, — он пожал руки дяде Мише и Андрею. — Давайте в избу проходите.

Изба рыбака располагалась в сосновом бору на гриве между безымянным ручейком и речкой Чиликанкой. Она была срублена "в лапу", с дощатыми сенями, которые в свою очередь были разделены перегородкой на чулан и собственно сени. В сенях же располагалась лестница, ведущая на чердак, где, как оказалось, хранились и пушнина и вяленая рыба, и веники для бани, которая сгорела пару лет назад, и другой инвентарь, имеющий в тайге свою особую ценность, но в данный момент не востребованный.

Комната в три окна, размером пять на шесть метров, имела довольно-таки неприглядный вид. Дощатые некрашенные полы, низкий, когда-то очень, очень давно беленный потолок, почерневшие переплеты оконных рам, полуразвалившаяся закопченная печь — это такое соединение "буржуйки" и печки-каменки.

Вдоль глухой стены на высоте полуметра располагались нары, покрытые брезентом и кошмой. В дальнем углу нар находилась постель Бухтоярова. Напротив нар стоял длинный стол с лавкой.

— Или у тебя, Семен, до избушки руки не доходят, чтобы порядок навести, или ты такой ленивый, — заметил Харьковский.

— Да ты что, председатель! — возмутился рыбак. — Я работаю от зари и до упаду. Пока руки сак держат — на речке. А изба? Ну подметаю я тут, летом полы мыл... раза два. И живности никакой не завел: ни клопов, ни вошек. Так что обижаешь, начальник. — Семен снял с печи закопченный чайник и поставил его на стол.

— Ты не ругайся. Давайте лучше чай пить. Я с утра начал чагу заваривать. Попробуй, даже сахара не надо. — Он стал разливать по кружкам черный, как деготь, пахучий напиток.

Андрей и дядя Миша выложили на стол и нары деревянные гостинцы. Копченое и просто соленое сало,

сливочное масло, десятка полтора мороженных и пяток стерлядей горячего копчения, кусок свинины, кусок говядины, домашний хлеб, блины, оладьи и какие-то шаньги, что жены напекли мужьям в дорогу и в подарок рыбаку-отшельнику. Харьковский вытащил пару батончиков колбасы, чай, сахар, печенье, конфеты и папиросы.

Бухтояров поставил на стол котелок.

— Отведай, председатель! Нынче мне повезло — двух лосей взял. Уже по морозу. Знал, что вы приедете, вот суп сварил. Попробуйте. — И он суетливо начал перебирать на столе ложки, передвигать с места на место кружки с чаем, и с какой-то досадой заглядывать в свою пустую кружку, словно не понимая, что с ней надо делать.

Переглянувшись с дядей Мишей, Харьковский водрузил на стол пару бутылок водки. Андрей тут же нырнул в свой рюкзак и выставил рядом свою пару. Семен радостно захохотал:

— А я уж думал, что не привезли. Ну ты молодец, председатель! Я сейчас. — Бухтояров выскочил в сени, и они услышали торопливые шаги по потолку. — Вот! — Он притащил какой-то небольшой кусок мяса. — Вот! Берег для добрых людей. — Заметив недоумевающий взгляд главного гостя, пояснил: — Это почка. Мороженая почка лося.

Мужики достали было поясные ножи, но Семен вынул свой и парезал почку тоненькими пластинками. Дядя Миша тем временем, вскрыв бутылку, разлил по кружкам ее содержимое.

— Ну давай, председатель! За тебя, Анатолий Михайлович. Посмотрим-поглядим, что ты за мужик. — Бухтояров опрокинул в себя кружку и потянулся за кружочком мороженной стерляди. — Да-а, хороша рыбка. Жаль, что в моей речке такой нет, а то бы тут вообще рай был.

Мужики дружно пакинулись на лакомство. Харьковский тоже решил попробовать, почка оказалась на удивление вкусной, напоминая и свежую печень, и вареный язык.

Перекурив после сытного обеда, вдоволь напившись горячего чая, все пошли на речку.

Напротив избышки, на другом берегу, виднелась пропашина — бывшие огороды бывшей деревни Чиликан. Когда-то здесь располагался колхоз "Туземец". Вот люди и отвоевали у тайги кусок земли под картошку-моркошку. Сейчас все уже заросло малиной да крапивой, торчащей из-под снега серо-коричневой щеткой.

На этом месте добровольные помощники решили устроить вертолетную площадку. Переехав речку по заранее устроенной переправе, начали укатывать "Буранами" снег, чтобы было легче загружать рыбой виштокрылую машину. Управившись, поехали к котцам. Для Харьковского это орудие лова было незнакомым, поэтому он с особым вниманием слушал Семена.

— Вот, Михалыч, смотри. — Бухтояров подошел к забору, вмороженному в лед и собранному из квадратных брусочков, переплетенных меж собой вязкой веревкой. — Это запор. Вот этот брусочек называется жало или жалина. Вот в этом месте, — Семен пошел вдоль запора по мосточку, сколоченному из двух досок, — у меня расположен сомут. Сейчас он повернут внутрь "сада", чтобы рыба могла только войти в него. "Сад", или садок, — это часть реки, расположенная между двумя запорами, в которых устроены отверстия для пропуска рыбы, идущей в верховья на икромет. Эти отверстия закрываются сомутами, давая рыбе возможность идти только в одном направлении, в настоящее время только в садок. За тем запором у меня еще завеска поставлена, чтобы крупный мусор задерживать. А вот

здесь у меня котец. Вот отсюда я и черпаю рыбу. Смотри. — Бухтояров взял сак и, зачерпнув в котце, вывалил на лед ведра два рыбы, в основном чебака и окуня. Возле котца уже было несколько куч рыбы.

— Видишь, Михалыч, я сначала пытался ее сортировать, но понял, что одному мне с этим делом не справиться, поэтому и запросил помощи. Ну что? Начнем работать? Мешки вои там, под кедром. Давайте сначала крупняк затарим — щуку, окуня и крупного чебака, а потом уж мелочовку. Я пойду движок подготавливаю, а то через полчаса совсем темно будет.

Дядя Миша с Андреем деревянными лопатами расчистили от снега место на крепко застывшей реке и установили "карету" — приспособление для сортировки и затаривания рыбы в виде корыта на ножках, у которого вместо дна натянута мелкаячеистая металлическая сетка. Насыпав рыбу, ее ворошат, отбирая крупную и сортируя по видам. Снег осыпается сквозь ячейки, а оставшуюся рыбу, обычно мелочь так называемой третьей группы, затаривают в мешок, подвешенный с одного края "каretty" на крючках. Несколько движений иглой — и полный мешок рыбы готов для отправки на рыбозавод.

Работа эта оказалась однообразной, но увлекательной. В скором времени они загрузили нарту, и Харьковский повез ее на вертолетную площадку. До ужина, по их расчетам, удалось приготовить к отправке на два вертолета, а куча рыбы, казалось, не уменьшилась.

Утром Харьковский заказал вертолет и все отправились на работу. Семен опять начал черпать из котца рыбу, предварительно перелопатив вчерашний улов на новое место.

— Михалыч! Смотри сюда! — Бухтояров, нагнувшись, ковырялся в куче рыбы. — Смотри — вот "ко-

роль" Чиликана. — Он показал ерша сантиметров семнадцать длиной. — Смотри какой красавец! Видишь — это его корона, — он осторожно, боясь уколоться, взялся за спинной плавник и передал рыбку Харьковскому.

И действительно, замерзнув, рыбка расправила все свои плавники, и спинной чем-то напоминал корону. Да и размеры рыбы говорили об ее исключительности. Обыкновенный ерш имеет размер с указательный палец или чуть более, а этот такой богатырь.

— А до чего уха из них вкусна! — Бухтояров выбрал и сложил в ящик наиболее крупные экземпляры. — Вечером сварю. Попробуете, и навсегда полюбите и эту рыбу и эту речку.

Они занимались сортировкой рыбы до тех пор, пока не услышали характерный, стремительно приближающийся гул вертолета. Очередная парта была уже нагружена, встречать вертолет поехали все вместе.

Сделав "круг почета", тот приземлился на подготовленной поляне. Потом, следуя командам бортмеханика, переместился к мешкам с рыбой. Бортмеханик потыкал ломом почву возле колес вертолета и подал рукой знак командиру. Тот убавил обороты двигателя. Из салона призывно замахал рукой человек. Харьковский с Семеновым влезли внутрь. Рыбоприемщик уже налаживал почтовые весы.

— Давайте мешков пять — десять взвесим, а остальные по счету приму. Пойдет так? — спросил он Бухтоярова.

Тот согласно кивнул головой и пояснил председателю:

— Так всегда делаем.

В присутствии бортмеханика взвесили рыбу. Мешок в среднем весил двадцать восемь килограммов.

— Грузите сорок мешков, — прокричал Харьковскому в ухо бортмеханик. — Второй раз придем после заправки. Короче, часа в три ждите.

Так продолжалось неделю. В некоторые дни работало по два вертолета. А рыбы все не убывало. Как потом выяснилось, они отгрузили двадцать семь тонн, выполнив квартальный план колхоза. Вот вам и "король" Чиликана.

На сазана

Вечером, перед тем как лечь спать, я дал себе мысленную установку — проснуться в три часа. Я собрался идти на пруд, на утреннюю зорьку.

Вчера мы с дочками прилетели из далекой Сибири. Добираться к тетушке пришлось почти полдня. Сначала от Минеральных Вод до Ставрополя, далее до Дербетовки. До ужина я успел у мельницы накопать червей, проверить удочки и закидушки, снять со стенки в сарае старенький велосипед и подкачать шины.

Утром, прихватив с собой "тормозок", я поехал на пруд, расположенный на восточной окраине села. Было довольно-таки прохладно. Приехав на греблю (земляную плотину), делящую пруд фактически на два — большой и малый, решил попытать счастья на старом месте, у водосбросной трубы.

Первый заброс принес мне удачу в виде плотвички размером с указательный палец. Вторая удочка порадовала карасиком, размером чуть-чуть побольше. Так и пошло: карасик, плотичка, плотичка, карасик. Поскольку малый пруд почти полностью зарос водорослями, ловить можно было только у водосбросной трубы, где остава-

лось свободное пространство в несколько квадратных метров. Вот поэтому закидушку я забросил в большой пруд, вдоль струи. Через несколько минут сторожок, сделанный из комочка глины, показал поклевку. Я подсек и вытащил судачка сантиметров двадцать длиной. То ли он был один в этом пруду, то ли рыбе не понравились мои червячки, но больше я здесь ничего не поймал.

Часов в девять подул северо-восточный ветер. На большом пруду начали свою игру сазаны: выпрыгивали чуть ли не на метр ввысь и с шумом возвращались в родные пенаты. Судя по размеру, сазаны весили примерно два-три килограмма. Клев почти прекратился, и я решил переместиться в верховье пруда.

Перейдя туда, я внимательно осмотрелся и по затоптанным проплешинам на берегу определил место рыбалки. Немедленная поклевка подтвердила правильность моих предположений. Клевали небольшие сазанчики. Решил забросить закидушку, благо до другого берега, густо заросшего камышом, было метров пятнадцать. Подождав с полчаса, я решил выяснить, почему нет поклевки. Вытащив грузило, понял, что оно вместе с крючками тонет в грязи. После некоторых раздумий я решил испробовать новую технологию — ловлю на резинку.

Раздевшись, я очень осторожно (все-таки незнакомое место) побрел к другому берегу. Воды было немного — всего сантиметров двадцать, остальное жидкая грязь. Я уж засомневался в успехе своего эксперимента, так как пришлось брести по колено в грязи, но все-таки решил попробовать. Привязав к пучку камыша резинку, я вернулся назад. Пока обитатели подводного царства обсуждали причину вторжения в их владения, решил перекусить. Стая гусей, которую я прогнал, вновь вернулась и пачала копошиться возле моей снасти. Пришлось повторить процедуру изгнания.

Поклевки на закидушке не было, и я уже перестал обращать на нее внимание, как вдруг: фонтан брызг, всплеск сазана, беспорядочное черчение спинным плавником поверхности пруда и тишина. Выгасив закидушку, я обнаружил оборванный крючок. Отремонтировав снасть, я стал ожидать следующей поклевки, которая последовала в скором времени. Но тут я не зевал, и полуторакилограммовый сазан заходил на моем кукане.

Съездив домой на обед, рыбалку я решил продолжить на большом пруду у плотины, где застал трех рыбаков. Устроившись неподалеку, чтобы никому не мешать, я поинтересовался успехами. Два рыбака приехали недавно, и у них было по паре сазанчиков, третий ловил с утра, на его кукане ходило десятка полтора сазанов от небольших до трехкилограммового. Заметив, что он регулярно что-то подбрасывает, я поинтересовался, чем он подкармливает и на что ловит. Сосед не только показал, но и поделился со мной наживкой — пареной пшеницей. Поскольку удилица у меня были короткие, а забрасывать надо было метров на двенадцать — пятнадцать, у меня ничего не получилось.

Решив поискать более удобное место, я отправился вдоль берега. Неподалеку в камышах обнаружил два места, пригодные для рыбалки. Расчищенные просеки в камыше, утоптанная земля на берегу, подставки под удилица — места эти, конечно, облюбовали рыбаки. Но мне не удалось из-за большой прибойной волны воспользоваться ими.

Вдоль пруда шел сбросной канал, сплошь заросший камышом. В одном месте я заметил тропинку, спускающуюся к воде, и перебазировался туда. Камыш давал хорошую тень, но воздух до того нагрелся, что казалось, я вот-вот расплавлюсь. Да к тому же еще кусачие мухи начали надоедать. Клевал приличных размеров сазан-

чик, граммов на двести — триста. И вдруг в знойной тишине прозвучал пистолетный выстрел.

— Я здесь! — закричал я. — Не стрелять!

Наверху была тишина. Выждав минут пять, поднялся на бровку канала. Поглядев по сторонам и никого не обнаружив, я обратил внимание на свой велосипед. Старая, изношенная шина не выдержала июльской жары и взорвалась. Так что домой мне пришлось возвращаться пешком.

Щучьи выкрутасы

Эта история произошла летом семьдесят шестого года. Наша бригада выполняла нивелирование второго класса на Уренгойском месторождении. Работали мы в пойме рек Таб-яха, Арка-Таб-яха и Хадуттэ. Когда в июле мы стали лагерем на высоком, левом берегу реки Таб-яха, я пошел вдоль реки обловить пойменные озера.

Спиннинг у меня был самодельный. В прошлом году при переезде один из рабочих неловко спрыгнул при разгрузке нашего вездехода Газ-47 и, угодив на мои снасти, сломал одноручный заводской спиннинг. Учитывая это, я вырезал из ивняка аршинный хлыст, изолентой прикрепил инерционную катушку "Невская" и самодельное кольцо-"тюльпан". Вот этим инструментом я и воевал с хищницами.

Методику ловли щук я выработал на практике. Обычно все тундровые озера имеют или обрывистые торфяные, или мелкие песчаные берега, поросшие тростником. Щуки в солнечные дни стоят в тростнике и другой растительности. Когда идешь по берегу и внимательно

смотришь на воду, нетрудно заметить след отошедшей в глубину щуки.

Я подошел к кольцеобразному заливчику, где грелась на мелководе зубастая. Видимо, услышав мои шаги, она, как заполошенная, проскочила мимо меня в озеро. Я затропился, взмахнул спиннингом, но не учел низко нависшие кусты и посадил большую "бороду".

Сколько времени мне понадобилось на распутывание этих петель, не заметил. Но когда я забросил все-таки свою снасть в воду, щука сразу же подошла за блесной. Точно так же она сопровождала блесну и во второй раз. Щука была приличная — сантиметров шестьдесят длиной. И в третий раз она сопровождала играющую блесну, плывя сбоку. А в тот момент, когда блесна выходила из воды, щука прыгнула за ней вдогонку. Я от неожиданности чуть не сел в воду. Представьте себе: огромная зубастая пасть в кипенье брызг устремилась на вас. Зрелище не для слабонервных. Но и я напугал щуку, так как она не скоро вновь подошла за приманкой. Все-таки я ее добыл. Для этого мне пришлось сменить белую блесну на тусклую медную.

В тот день я поймал двенадцать рыб. Часть из них ушла на жареху, а часть на засолку. Хотя признаюсь, что соленая щука мне не нравится.

Первый голавль

Летом 1972 года довелось мне работать в окрестностях городов Геокчай и Уджары, что в Азербайджане. Занимались мы топографической съемкой колхозных земель для мелиораторов.

Поселились в летней кухне у главного агронома одного из хозяйств. С конца мая стояла теплынь, и мы спали с открытыми дверями и окнами. Проснувшись среди ночи, я долго лежал, пытаясь понять, что за звуки меня разбудили. В ночной тишине раздавался стрекот цикад. Но их перекрывал какой-то постоянный сухой хруст. А утром наш хозяин Муслим объяснил мне, что эти звуки издают шелковичные черви, поедая листья шелковицы-тутовника. Небольшая рощица этих деревьев росла неподалеку, на берегу Верхнеширванского канала. Так как каждую весну почти все ветки обрубали на корм червям, то листья на оставшихся были огромных размеров. Ветки же потом использовали в виде примитивной изгороди, а затем они шли на дрова. Каждую неделю жена Муслима топила тандыр и пекла чурек — местный хлеб в виде большой лепешки.

Почти каждое утро я бегал на канал удить рыбу. Иногда удача мне улыбалась, и я приносил домой несколько плотвичек и усачей.

Однажды, проходя вдоль берега канала в поисках более удачливого места, я обнаружил старый, заброшенный канал, который превратился в небольшой глубокий пруд.

Забросив удочку, я замер в ожидании поклевки. Через некоторое время заметил возле поплавок стайку проплывающих рыб. Вода была очень прозрачной, и мне хорошо были видны их игры на фоне ярко-зеленых водорослей. Вдруг мой поплавок стремительно исчез!.. Я в волнении схватил удилице и почувствовал на другом конце снасти яростное сопротивление рыбы. Рывок, еще рывок, и поплавок, как пробка из бутылки шампанского, с шумом вылетел из воды. Наживки на крючке, естественно, не оказалось, да и сам крючок-"пятерочка" оказался разогнутым. Поправив снасть, я надел червячка

и, поплевав на него, закинул удочку снова. Но поклевок не было, хотя стайка рыб продолжала свою игру у меня на глазах. Прождав с полчаса, я перешел на другое место.

Заброс. Стремительная поклевка. Недолгая борьба. И вновь разогнутый крючок. Расстроившись, я ушел домой, чтобы переоснастить свою удочку. На закидушках у меня были так называемые "сазаньи" крючки.

На следующий день, еще до рассвета, я был на прежнем месте. Прохладный воздух приятно охлаждал разогряченное ходьбой тело. Далекие отроги Кавказских гор скрывал туман. Предо мной лежала темная гладь воды. Что будет? Кто победит? Кованый крючок десятого номера, леса "ноль-шесть", короткое удилище из бамбука — снасть хотя и грубоватая, но и крокодила должна удерживать.

Стараясь не шуметь, я плавно положил поплавок на воду. Он образовал два слабых круга и вдруг стремительно исчез из виду. Короткая борьба, и вот, изгибаясь всем телом, из воды вылетает рыбина и падает на потемневшую от росы траву за моей спиной. Схватив ее дрожащими руками, я рассматриваю свою добычу. Что за прелесть: мускулистое брусчатое тело, изворачиваясь, приятно охлаждает мои руки. Головань. Первый головань в моей рыболовной практике.

Содержание

Трудный маршрут

Августовская метель	8
Беглец	12
Лодырь	28
Найда	32
Шкура неубитого медведя	42
Телеграмма	45
Трудный маршрут	52

Король Чиликана

Абдулхай	84
Доверие	87
Встреча у озера	89
Шапка из лебеда	91
Король Чиликана	95
На сазана	104
Щучьи выкрутасы	107
Первый голавль	108

Кравцов А.Б.

К 78 Августовская метель: Рассказы. — Екатеринбург: Сред.-
Урал. кн. изд-во, 1998.— 112с.: ил.

ISBN 5-7529-0701-2

2000 экз.

Первая книга тюменского автора посвящена топографам и геодезистам, рыбакам и охотникам, любителям природы, тем, в чьей жизни неразрывно связаны тяжелый труд и романтика освоения новых пространств.

4702010201—002

К $\frac{4702010201-002}{M 158 (03)-98}$ Без объявл.—98

ББК 84Р7

Александр Борисович Кравцов

**АВГУСТОВСКАЯ
МЕТЕЛЬ**

Редактор Е.В.Черняк

Художник С.И.Паус

Художественный редактор В.С.Солдатов

Технический редактор Т.Н.Черепанова

Корректор М.Ф.Худякова

Компьютерный набор и верстка И.О. Капорейко

Лицензия на издательскую деятельность

ЛР №064913, выдана 14.01.97г.

ИБ №202

Сдано в набор 21.12.97. Подписано в печать 12.01.98.

Формат 70x108 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура Балтика.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд.л.4,5. Тираж 2000.

Заказ № 58.

ОАО "Средне-Уральское книжное издательство",
620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24.

Асбестовская типография. Асбест, ул. Садовая, 5

НОВАЯ ЦЕНА

3 руб — коп

